

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

ПЪВЕЦЪ УКРАИНЫ

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІИ ОЧЕРКЪ

В. П. КРАНИХФЕЛЬДА

1861-1911.

ЛУПАНОВ
496

ИЗД. „НОВ. ЖУРНАЛА ДЛЯ ВСѢХЪ“
СПЕТЕРБУРГЪ

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

С. 17.

Вл. Гранинфельдъ.

а
2689

29.0
25

16

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

ПЪВЕЦЪ УКРАИНЫ

Критико-біографическій очеркъ.

Издательство „Нов. Журнала для Всѣхъ“

[СПБ. 1911 г.]

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МІЧНИКОВА

Г. Г. Шевченко—пѣвецъ Украины

(1861—1911 г.).

Паровая Типографія Л. В. ГУТМАНА. Калашник. пр., 13.

Лупанов

496

В. Ступановъ.

ОТЪ АВТОРА.

Изданный десять лѣтъ тому назадъ „Вѣстникомъ казачьихъ войскъ“, очеркъ мой о Т. Г. Шевченко былъ встрѣченъ читателями и критикой (какъ малорусской, такъ и великорусской) настолько сочувственно, что теперь эта когда брошюра сдѣлалась библиографической рѣдкостью, я рѣшилъ повторить изданіе. Разумѣется, все то новое и цѣнное, что добыто произведенными за эти годы архивными раскопками и изслѣдованіями, мною принято во вниманіе. И предлагая читателямъ второе изданіе очерка, я внимательно пересмотрѣлъ его и внесъ въ него необходимыя исправленія и дополненія.

Цитаты, взятая мною изъ произведеній малорусскаго поэта, я по прежнему оставляю безъ перевода, полагая, что простой, безыскусственный языкъ ихъ вполне доступенъ и великорусскому читателю. И для того, чтобы облегчить этому послѣднему чтеніе цитатъ, я вездѣ сохраняю привычное для великоросса начертаніе словъ, сознательно избѣгая „кулишевки“, которой пользуется нынѣ малорусская печать.

Вл. Кранихфельдъ.

НАУКОВА БІБЛОТЕКА ОНУ ИМЕНА ДЗЕРЖИНСКОГО

Жизнь и произведения Тараса Григорьевича Шевченка—это история малорусского народа.

„Шевченко, какъ поэтъ,—говоритъ Костомаровъ—это былъ самъ народъ, продолжавшій свое поэтическое творчество. Пѣсня Шевченка была сама по себѣ народная пѣсня, только новая—такая пѣсня, какую могъ-бы запѣть теперь цѣлый народъ, какая должна была вылиться изъ народной современной истории. Съ этой стороны Шевченко былъ избранникомъ народа въ прямомъ значеніи слова... Шевченко сказалъ то, что каждый народный человѣкъ сказалъ-бы, еслибы его народное существо могло возвыситься до способности выразить то, что хранилось на днѣ его души... Шевченко говоритъ такъ, какъ народъ еще и не говорилъ, но какъ онъ готовъ былъ уже заговорить и только ожидалъ, чтобы изъ среды его нашелся творецъ, который-бы овладѣлъ его языкомъ и его тономъ; и влѣдъ за такимъ творцомъ точно также заговорить и весь народъ и скажетъ единогласно: это мое... Поэзія Шевченка есть непосредственное продолженіе народной поэзіи“.

Поэтической истолкователь истории многострадальнаго народа, выразитель его души, со всѣ-

ми ея достоинствами и недостатками, Шевченко затронулъ въ своей поэзіи всѣ стороны жизни Украины. И подобно тому какъ исторія Малороссіи тѣсно переплелась съ исторіей мѣстнаго казачества, такъ и у Шевченка казачество совершенно неотдѣлимо отъ остальныхъ элементовъ его поэзіи. Подъ роскошнымъ небомъ Украины въ произведеніяхъ Шевченка живетъ, поетъ и страдаетъ поработенный казакъ, положеніе котораго тѣмъ болѣе тяжело, что всѣ преданія вольнаго казачества не могутъ мириться съ ярмомъ крѣпостничества. Независимый и гордый украинскій казакъ создалъ себѣ на Хортицѣ или на Томаковскомъ островѣ твердый оплотъ отъ покушеній на его свободу и долгое время считалъ себя вполне равноправнымъ членомъ той семьи, къ которой принадлежали и Московщина и Польша. Но посторонняя сила сломила казака и постепенно превратила его, вольнаго человѣка, въ крѣпостного, безправнаго раба. Польскіе паны, вмѣстѣ съ казацкой-же старшиною, захватили Малороссію въ руки и обездолили ее. Бывшій казакъ, а теперь крѣпостной могъ протестовать противъ этого насилія въ формѣ гайдамачины, которая въ 1768 г. обострилась и, подъ именемъ „Коліивцины“, залила кровью Малороссію и Польшу.

200.000 человѣческихъ жертвъ похитила Коліивцина и, затихнувъ, перелилась кровавой волной на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ, въ формѣ

пугачевщины, потрясла всю широкую Русь. Неудивительно поэтому, что эта послѣдняя вспышка народнаго протеста противъ крѣпостничества и шляхетскихъ привилегій сильно поразила воображеніе малороссовъ и сдѣлалась темой для многочисленныхъ народныхъ сказаній и пѣсенъ. Но съ такой полнотой, съ такимъ художественнымъ блескомъ, съ какимъ сумѣлъ возстановить преданіе объ этой эпохѣ Шевченко, никому ни до, ни послѣ него говорить не пришлось, и „Гайдамаки“ его по праву могутъ быть поставлены въ центрѣ всей его поэтической дѣятельности, откуда въ видѣ отдѣльныхъ яркихъ лучей отходятъ: съ одной стороны произведенія, характеризующія событія до Коліивцины, съ другой—современное поэту положеніе малорусскаго народа.

Подробнѣе о произведеніяхъ Шевченка будетъ сказано далѣе, а теперь расскажемъ о жизни поэта, исторія которой—по собственному его замѣчанію—составляетъ часть исторіи его родины.

Жизнь поэта.

Дѣтскіе годы Т. Г. Шевченка.—Вліяніе природы, окружающей обстановки и семьи.—Служба въ „казачкахъ“.—Обученіе живописи.—Переѣздъ въ Петербургъ.—Встрѣча съ художникомъ Сошенко́мъ. Новыя знакомства.—Пробужденіе поэтическаго таланта.—Свобода.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко родился 25-го февраля 1814 г. въ селѣ Моринцахъ, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губ., откуда вся семья его вскорѣ-же переселилась въ сосѣднее село Кирилловку, Каневского уѣзда. Волнистая, покрытая густыми вѣковыми лѣсами, мѣстность эта, по красотѣ положенія и по ровной мягкости климата, составляла въ то время одинъ изъ наиболѣе благодатныхъ уголковъ южной Россіи. Природа сама, казалось, располагала людей къ художественному творчеству, и рѣдкая деревня не имѣла здѣсь въ то время своего маляра-живописца, съ любовью посвящавшаго свои досуги главнымъ образомъ иконописанію. Кое-кому изъ этихъ самодѣльныхъ мастеровъ удавалось пробивать себѣ и болѣе широкую дорогу, и одному изъ нихъ, художнику Сошенку, привелось впоследствии оказать

въ С.-Петербургѣ своему геніальному земляку крупную услугу, опредѣлившую затѣмъ всю дальнейшую жизнь поэта. Но какъ ни роскошна была природа на родинѣ Шевченка, людямъ жилось тамъ отъ этого не легче. Напротивъ, еще во времена татарскихъ набѣговъ мѣстность эта не одинъ разъ подвергалась жестокимъ погромамъ, а подъ игомъ польскаго владычества она служила ареной для кровавыхъ расчетовъ гайдамачины съ панами. Это были отдѣльныя вспышки народнаго негодованія, вспышки, которыя отнюдь не могли помѣшать однако полному закрѣпощенію населенія, и въ цѣпяхъ крѣпостничества, но уже на русской почвѣ, мы застаемъ семью Шевченка, въ моментъ рожденія Тараса.

Родители Шевченка, какъ крѣпостные крестьяне, принадлежали помѣщику Энгельгардту. Конечно, на ребенкѣ это состояніе его родителей непосредственно не отражалось,—ребенкомъ помѣщикъ не интересовался, и никакого отношенія къ помѣщицъему дому Тарасъ не имѣлъ. Но косвенное вліяніе темной и грубой закрѣпощенной среды съ самого нѣжнаго возраста со всѣхъ сторонъ окружало и давило его. Еще при жизни матери мальчику жилось, должно быть, не дурно; по крайней мѣрѣ объ этомъ періодѣ дѣтства Шевченко вспоминалъ впоследствии съ любовью. Но мать его жила недолго, и на девятомъ году маленькій Тарасъ остается сиротою на попеченіи у отца вмѣстѣ съ двумя другими мало-

лѣтними братьями и тремя сестрами. Чтобы справиться съ хозяйствомъ и съ этой большой семьей, отецъ Тараса, Григорій Шевченко, поспѣшилъ жениться, принявъ къ себѣ въ домъ вдову, имѣвшую отъ перваго мужа троихъ дѣтей, также малолѣтокъ. Конечно, мачиха не замѣнила маленькимъ Шевченкамъ „добрый нени“. Женщина суровая и сварливая, она внесла въ новую семью адъ. „Не проходило часа—разсказываетъ самъ Шевченко—безъ слезъ и драки между нами, дѣтьми, не проходило часа безъ ссоръ и брани между отцомъ и мачихою. Мачиха особенно ненавидѣла меня, вѣроятно, за то, что, я часто тузилъ ея тщедушнаго Степана“. Тараса били и за вину, и безъ вины, били нещадно, причемъ особенно жестокимъ палачемъ вырисовывается въ воспоминаніяхъ родныхъ дядя поэта—Павель. Однажды, напимѣрь, Степанъ проштрафился въ воровствѣ, но мачиха заподозрила Тараса. Предчувствуя бѣду, маленькій Тарасъ сбѣжалъ и спрятался гдѣ-то въ заброшенномъ огородѣ, гдѣ и просидѣлъ подрядъ четверо сутокъ. Разысканный все тѣмъ-же Степаномъ и притащенный домой, Тарасъ былъ подвергнутъ жестокому допросу съ пристрастіемъ, причемъ дядя Павель истязалъ розгами ни въ чемъ неповиннаго мальчика цѣлыхъ три дня.

Эта жестокая обстановка младенческой жизни поэта не сломила, къ счастью, его характера. Правдивый, любознательный, непосѣдливый, полный молодого дѣтскаго запора, онъ и тогда уже

производилъ на окружающихъ впечатлѣніе пробуждающейся крупной силы, дальнѣйшее направленіе которой было, однако, никому еще неизвѣстно. Чрезвычайно любопытны въ этомъ смыслѣ пророческія слова, сказанныя отцомъ поэта на смертномъ одрѣ, когда Тарасу было около 11 лѣтъ. Распредѣляя между дѣтьми свой скудный достатокъ, умирающій хлѣборобъ сказалъ: „сынови Тарасу зъ моего хозяйства ничего не треба,—винъ не буде абыякимъ чоловикомъ: зъ его буде або щось дуже добре, або вельке ледащо (большой негодяй); для его моя спадщина або ничего не значытые, або ничего не поможе“.

Характеризуя семью Тараса Григорьевича, нельзя умолчать еще объ одной крупной фигурѣ, близость къ которой наложила неизгладимый отпечатокъ на настроеніе и мысль поэта. Мы говоримъ о родномъ дѣдѣ поэта, столѣтнемъ старцѣ, который принималъ очевидно близкое участіе въ кровавыхъ дѣлахъ гайдамачины и который умѣлъ картинно и ярко разсказывать какъ о самой эпохѣ, такъ и о выдающихся ея дѣятеляхъ.

Столитніи очи якъ зори сіялы,
А слово за словомъ сміялось, лылось:
Якъ ляхы коналы, якъ Смила горила,
Сусиде отъ страху, отъ жалю нимилы.
И мени, малому, не разъ довелось
За тытаря плакати. И нихто не бачивъ,
Що мала дитына у куточку плаче...

И съ теплою благодарностью вспоминаеть Шевченко въ послѣдствіи своего дѣда, съумѣвшаго сохранить въ столѣтней головѣ казацкую славу и давшаго возможность поэту передать эту славу внукамъ.

Грамотный и начитанный въ Св. Писаніи отецъ Шевченка хотѣлъ научить грамотѣ и своего сына и съ этой цѣлью отдалъ его въ науку къ мѣщанину Губскому. Обученіе въ то время неизбѣжно сопровождалось поркой, и поэтому маленькій Тарасъ, которому въ сущности грамота далась скоро, въ теченіе короткаго времени самовольно оставляетъ одного учителя за другимъ, какъ только начинаетъ пропадать его терпѣніе подъ жестокими и несправедливыми ударами. Въ промежуткахъ между переходомъ отъ одного учителя къ другому, а затѣмъ и по окончаніи „курса“, Тараса пытаются пристроить къ работѣ: его заставляютъ пасти скотъ, приучаютъ къ земледѣлію, но ни то, ни другое занятіе не прельщаютъ будущаго пѣвца Украины. Въ немъ вспыхиваетъ страсть къ живописи, и онъ не успокаивается до тѣхъ поръ, пока, избѣгавъ нѣсколькихъ маляровъ, не найдетъ чело-вѣка сговорчиваго, согласившагося принять въ науку шестнадцатилѣтняго оборванца. Мечта Тараса была уже близка къ осуществленію, но тутъ случилось несчастіе. Тараса неожиданно потребовали на кухню къ Энгельгардту, и отсюда уже черезъ нѣкоторое время онъ попалъ въ лакейскую на должность „казачка“.

„Изобрѣтеніе комнатныхъ казачковъ—пишетъ Шевченко—принадлежитъ цивилизаторамъ заднѣпровской Украины—полякамъ; помѣщики иныхъ національностей перенимали у нихъ казачковъ, какъ выдумку неоспоримо умную. Въ краѣ, нѣкогда казацкомъ, сдѣлать казака ручнымъ съ самаго дѣтства, это то-же самое, что въ Лапландіи покорить произволу чело-вѣка быстроногаго оленя“.

И вотъ потомокъ вольныхъ казаковъ, внукъ стараго гайдамаки—въ роли казачка стоитъ въ барской передней. Обязанности его несложны: стоять неподвижно и молча, пока баринъ не велитъ подать трубку, тутъ-же рядомъ съ нимъ стоящую, или налить у него передъ носомъ стаканъ воды. Но живой и увлекшійся мечтой о живописи мальчикъ не годился для этой роли. Нарушая барскій приказъ, онъ напѣвалъ себѣ втихомолку гайдамацкія пѣсни или срисовывалъ карандашемъ висѣвшія на стѣнахъ картины. И за пѣсни и за рисунки доставалось ему не мало: однажды за срисовываніе картины Шевченко былъ до крови выпоротъ на конюшнѣ. Но непреодоли-мая страсть къ живописи отъ всѣхъ этихъ гоненій ничуть не ослабѣвала, и, въ концѣ концовъ, побѣдителемъ все таки оказался не баринъ, а казачекъ. Энгельгардтъ, убѣдившись, повидимому, что изъ Тараса путнаго казачка, несмотря на побои, не выйдетъ, отдалъ его, въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Варшаву, къ извѣстному въ то время портре-

тисту Лампи. Отсюда, года через два, съ перездомъ Энгельгардта въ Петербургъ, былъ переведенъ въ столицу и Шевченко и отданъ здѣсь на выучку къ живописныхъ дѣлъ мастеру Ширяеву. Уроки мастера не удовлетворяли однако Шевченко, и въ свѣтлыя ночи онъ бѣгалъ украдкой въ Лѣтній садъ рисовать со статуй.

Здѣсь, въ одинъ изъ этихъ ночныхъ художественныхъ сеансовъ, случайно столкнулся Шевченко со своимъ землякомъ-художникомъ Сошенко. Увидѣвъ въ такую необычную пору оборыша, да къ тому-же украинца по наружности, зачерчивающаго что-то на бумагѣ передъ статуей, Сошенко подошелъ къ юношѣ, разговорился съ нимъ и принялъ въ немъ теплое участіе. Онъ приглашалъ Шевченко къ себѣ, сталъ развивать его, снабжалъ книгами и, наконецъ, познакомилъ его съ выдающимися въ то время писателями и художниками. Такимъ образомъ съ Шевченко познакомились и приняли въ немъ участіе писатели Гребенка и Жуковскій и художники Григоровичъ, Венеціановъ и Брюлловъ. Но въ то время, какъ передъ Шевченко открывался новый міръ духовныхъ интересовъ, развертывалась картина новыхъ человѣческихъ отношеній, настроеніе его все болѣе и болѣе омрачалось обострившимся сознаниемъ своего безправнаго положенія раба. Въ академію художествъ, куда влечетъ его призваніе, поступить онъ не могъ, потому что въ то время крѣпостные туда не принимались. Чтеніе книгъ,

за которое онъ схватился съ жадностью, съ цѣлью самообразованія, только содѣйствовало, разумѣется, пониманію всего ужаса того положенія, въ какомъ онъ находился. А тутъ еще случился эпизодъ, который едва не окончился для Шевченка трагически, если-бы не вмѣшательство его друга Сошенка. Заключенный Ширяеву, Шевченко рѣдко показывался въ помѣщицьемъ домѣ. Но, бывая тамъ и встрѣчаясь съ дворовыми людьми, онъ заговаривалъ съ ними объ ихъ общемъ безправіи. Разговоры эти дошли до смотрителя, и онъ отдалъ приказъ выпоротъ на конюшнѣ этого непростителнаго проповѣдника человѣческихъ правъ. Шевченка схватили и потащили уже на расправу, и только ходатайство Сошенка передъ молоденькой женой смотрителя, съ которой онъ рисовалъ тогда портретъ, спасло поэта отъ унизительнаго наказанія. Все это не могло не останавливать на себѣ вниманія и новыхъ знакомыхъ Шевченка. Они рѣшили освободить его и, въ надеждѣ на великодушіе Энгельгардта, завели съ нимъ переговоры. Помѣщикъ однако не хотѣлъ выпускать изъ рукъ раба, дарованія котораго сулили ему въ будущемъ матеріальныя выгоды. Объ освобожденіи Шевченка онъ не захотѣлъ даже говорить и рѣшительно назначилъ цѣну за выкупъ — 2500 рублей. Для Шевченка возможность достать такую громадную сумму казалась совершенно невѣроятной, и онъ горько плакалъ, узнавъ объ отвѣтѣ помѣщика. Но возможность скоро сдѣлалась вѣроятной: Брюлловъ

671951

рѣшилъ написать портретъ Жуковскаго, разыграть его въ лотерею и на собранныя деньги купить свободу несчастному поэту.

Скованный цѣпями рабства, Шевченко все время, несмотря на самыя неподходящія для этого условія, старался расширять свой духовный кругозоръ и обогащать умъ знаніями; свою страсть къ художественному творчеству онъ удовлетворялъ тѣмъ, что учился живописи. Но все это было только подготовкой къ творчеству. Способность-же творческая все еще спала, стиснутая оковами, и только теперь, на зарѣ освобожденія, она вдругъ проснулась: Шевченко впервые появляется передъ нами въ новой роли поэта Украины. Его первое поэтическое произведеніе „Причинна“ написана имъ въ предчувствіи свободы ранней весной 1838 г., а 22-го апрѣля того-же года, послѣ того, какъ былъ разыгранъ въ лотереѣ портретъ Жуковскаго, состоялась покупка свободы человѣка у человѣка. Въ это время Шевченку было уже 24 г.

Разносторонняя дѣятельность Шевченка послѣ освобожденія.— Тоска по Украинѣ.— Поездка на родину.— Первые впечатлѣнія.— „Мочеморди“. Крѣпостники и кievская молодежь.— Неудавшееся сватовство.— Кирилло-Мееодіевское общество.— Арестъ.

Съ этого знаменательнаго дня, 22 апрѣля, Шевченко началъ посѣщать классы академіи художествъ и скоро сдѣлался однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ К. П. Брюллова. За работу онъ принялся очевидно съ большимъ стараніемъ, такъ что уже черезъ годъ ему присуждена была серебряная медаль за рисунокъ, а еще черезъ годъ, и вторая медаль за первый опытъ по живописи масляными красками. Отдаться живописи цѣликомъ онъ однако не могъ. Напротивъ, получивъ свободу, онъ почувствовалъ въ себѣ такой избытокъ силъ, что можно только удивляться теперь разносторонности, съ какою онъ ихъ расходуетъ. Онъ пишетъ стихи, и уже въ 1840 году появился въ свѣтъ первый печатный сборникъ его произведеній подъ именемъ „Кобзарь“. Встрѣченный съ громаднымъ сочувствіемъ въ Малороссіи, сборникъ этотъ столичными критиками, въ томъ числѣ и Бѣлинскимъ, принятъ былъ холодно и даже неодобрительно.

что, повидимому, очень огорчило поэта, хотя, къ счастью, не остановило дальнѣйшей его работы въ этомъ направленіи. Ни занятія живописью, ни поэтическое творчество не мѣшали поэту много и упорно работать надъ собственнымъ образованіемъ. Онъ очень много читаетъ, главнымъ образомъ по литературѣ и исторіи, обращая особенное вниманіе на исторію своей родины. Онъ аккуратно посѣщаетъ нѣкоторыя лекціи профессоровъ университета и медицинской академіи, два раза въ недѣлю слушаетъ лекціи физики въ помѣщеніи Вольнаго Экономическаго Общества, беретъ уроки французскаго языка и т. п. При всемъ этомъ у поэта хватаетъ времени вести и такъ называемую „свѣтскую жизнь“, незнакомую ему раньше, а потому теперь особенно интересную для него. Впрочемъ, эта „свѣтская жизнь“, за которую онъ получалъ много упрековъ отъ своего вполне отдавагося живописи ограниченнаго товарища Сошенка, заключалась лишь въ посѣщеніи Брюллова, да нѣкоторыхъ его знакомыхъ, въ поѣздкахъ, опять таки съ тѣмъ-же Брюлловымъ, на острова, въ концерты и въ театръ и, наконецъ, въ товарищескихъ попойкахъ въ ресторанахъ.

Матеріальныя средства Шевченка были очень ограничены: онъ получалъ небольшую стипендію, имѣлъ кое-какія работы по живописи на заказъ, и только. Не умѣя къ тому-же обращаться съ деньгами, онъ часто жилъ въпроголодь, хотя бодрость никогда не покидала его.

Единственное, что омрачало теперь его существованіе въ Петербургѣ, это тоска по родной Украинѣ, къ которой онъ всегда чувствовалъ нѣжную сыновнюю привязанность. Стоялъ-ли онъ передъ картинами Брюллова, котораго онъ ставилъ, какъ художника, очень высоко, онъ „задумывался и лелѣялъ въ сердцѣ своемъ слѣпца-кобзаря и своихъ кровожадныхъ гайдамаковъ. Въ тѣни его изящно-роскопной мастерской, какъ въ знойной дикой степи наднѣпровской, передо мной—писалъ поэтъ — красовалась моя прекрасная, бѣдная Украина во всей непорочной, меланхолической красотѣ своей... И я задумывался, я не могъ отвести своихъ духовныхъ очей отъ этой родной чарующей прелести!..“ Писалъ-ли онъ, поддавшись убѣжденіямъ русскихъ критиковъ, произведение на русскомъ языкѣ („Слѣпая“), онъ опять возвращался мыслью къ своей родинѣ и думалъ: „какой чертъ и за какой грѣхъ искусилъ меня исповѣдываться передъ „кацапами“ черствымъ ихъ словомъ!..“ И вотъ, въ 1843 г., окончивъ академію со званіемъ свободнаго художника, поэтъ оставляетъ „чертово болото“, какъ называетъ онъ Петербургъ, и направляется въ Украину, гдѣ онъ надѣется вздохнуть полной грудью, набрать матеріаловъ для затѣяннаго имъ художественнаго изданія „Живописная Украина“ и повидать своихъ сестеръ и братьевъ, которые продолжаютъ, къ глубокому горю поэта, по прежнему носить гнусное ярмо крѣпостничества.

Неизвѣстно, когда собственно Шевченко выѣхалъ изъ С.-Петербурга, но лѣтомъ того же 1843 г. мы застаемъ его въ Яготинѣ, у бывшаго украинскаго генераль-губернатора князя Репнина, куда поэтъ отправился, чтобы, по просьбѣ своего пріятеля Тарновскаго, нарисовать портретъ князя. Здѣсь Шевченко въ теченіе короткаго времени успѣлъ близко сойтись и подружиться съ дочерью Репнина, княжною Варварой Николаевной, которая стала „сестрою и воплощенной совѣстью поэта“ и которую Шевченко иначе не называлъ, какъ своимъ „ангеломъ-хранителемъ“. Больше всего „ангель-хранитель“ поэта старался уберечь его впослѣдствіи отъ близкаго общенія съ кружкомъ помѣщиковъ, въ среду которыхъ Шевченко попалъ очень скоро влѣдъ за выѣздомъ изъ Яготина. Кружокъ этотъ, съ которымъ Шевченко познакомился въ Москвѣ Пирятинскаго уѣзда, носилъ названіе — „общество мочемордія“ („мочить морду“—пьянствовать). Члены общества, смотря по ихъ специальнымъ заслугамъ, носили титулы: „мочемордія, высокомочемордія, пьянѣйшества и высокопьянѣйшества“. Возліянія, которымъ предавались „мочеморды“, совершались при известной торжественно-шутовской обстановкѣ и начинались обыкновенно съ возгласа баса, который гудѣлъ: „ромъ! пуншъ! ромъ! пуншъ!“ тенора, подхватывали: „полпиво! полпиво! глицъ-вейнтъ!“, а ди-сканты въ то же время выкрикивали: „бѣла, красна сладка водка!“ Такъ вотъ съ этой-то шутовской

компаніей судьба столкнула Шевченка на первыхъ же порахъ его пребыванія въ Украинѣ. И поэтъ не только не бѣжалъ отъ „мочемордъ“, но, какъ видно изъ упрековъ, съ которыми не разъ обращалась къ нему княжна Репнина, нѣкоторое время поддерживалъ съ ними, и особенно съ „великимъ магистромъ“ общества Закревскимъ, пріятельскія отношенія. Мы можемъ съ увѣренностью однако сказать, что во всякомъ случаѣ „мочеморды“ остановили на себѣ вниманіе поэта не пошлымъ своимъ времяпрепровожденіемъ, а нѣкоторыми хорошими своими сторонами, которыя выдѣляли ихъ изъ среды помѣщичьяго общества того времени. Во-первыхъ, среди нихъ были лица образованныя и гуманныя, умѣвшія понимать и цѣнить Шевченка какъ поэта; при первой же встрѣчѣ съ поэтомъ въ Москвѣ они устроили ему даже восторженный пріемъ. Затѣмъ, „мочеморды“, повидимому, относились къ своимъ крѣпостнымъ гораздо человѣчнѣе, чѣмъ даже тѣ передовые люди, которыхъ особенно рекомендовала поэту княжна Репнина, противопоставляя ихъ „мочемордамъ“. Къ этой сторонѣ человѣческихъ отношеній Шевченко былъ особенно чутокъ, и мы знаемъ нѣсколько случаевъ столкновеній его съ помѣщиками, которые позволяли себѣ при немъ жестокое обращеніе съ крѣпостными. Однажды, напримѣръ, известный собиратель малороссійскихъ пѣсенъ Лукашевичъ (рекомендованный поэту княжною) въ суровую зиму послалъ своего крѣпостнаго пѣшкомъ по какому-то пу-

стяжному дѣлу къ Шевченку, который жилъ отъ него верстахъ въ 30-ти, требуя, чтобы тотъ непременно въ тотъ-же день вернулся съ отвѣтомъ. Шевченко страшно взволновало такое безчеловѣчное отношеніе къ крѣпостному, и онъ тутъ же написалъ Лукашевичу письмо, въ которомъ выразилъ свое негодованіе и объявилъ о прекращеніи знакомства съ нимъ. „Благородный либераль“ отвѣтилъ на это, что у него 300 душъ такихъ же олуховъ, какъ Шевченко. Шевченко рыдалъ, рассказывая объ этомъ случаѣ княжнѣ Репниной.

Крѣпостное право было для Шевченка больнымъ и самымъ чувствительнымъ мѣстомъ. Столкнувшись теперь снова лицомъ къ лицу съ тяжелыми, потрясающими картинами рабства, онъ глубоко страдалъ за свою родину и горячо протестовалъ противъ творящагося кругомъ насилія. И могъ-ли иначе относиться къ крѣпостничеству онъ, который въ теченіе 24 лѣтъ самъ на себѣ почувствовалъ тяжесть крѣпостныхъ цѣпей и который теперь въ ужасномъ сознаніи своего личнаго безсилія, видѣлъ дорогихъ ему людей—сестеръ и братьевъ все въ тѣхъ же ненавистныхъ оковахъ.

Недолго въ этотъ свой пріѣздъ пользовался Шевченко гостеприимствомъ родной Украины, но все же онъ успѣлъ побывать въ мѣстахъ, которыя дороги были душѣ поэта-патріота. Какъ и вездѣ въ Украинѣ, и здѣсь онъ нашелъ мало отраднаго для себя. На Хортицѣ—мѣстѣ пребыванія недавней казацкой свободолубивой общины—„мудрый

нѣмецъ садилъ картофель“, а въ Межигорьѣ—главномъ пунктѣ запорожской святини—существовала фаянсовая фабрика. „Бѣлъ я—писалъ потомъ поэтъ—на Украинѣ, былъ у Межигорскаго Спаса и на Хортицѣ, вездѣ былъ и *вездѣ плакалъ*“.

Побывавъ въ 1844 г. въ Петербургѣ и устроивъ тамъ нѣкоторыя личныя свои дѣла, Шевченко въ началѣ 1845 г. вновь возвращается въ Украину въ надеждѣ теперь совершенно обосноваться на родинѣ. По пріѣздѣ въ Кіевъ, онъ вскорѣ же былъ зачисленъ въ кіевскую комиссію для разбора древнихъ актовъ, въ качествѣ „сотрудника-художника“. Этому особенно содѣйствовалъ Кулишъ, у котораго въ Кіевѣ были довольно большія связи и которому очень хотѣлось упрочить положеніе украинскаго поэта въ центрѣ южной культуры, чтобы вмѣстѣ съ нимъ стать во главѣ молодежи, задавшейся цѣлью проповѣдывать среди помѣщиковъ мысль объ освобожденіи народа отъ крѣпостничества, а среди народа распространять просвѣщеніе. На помѣщиковъ молодежь надѣялась вліять при помощи науки и поэзіи, а что касается просвѣщенія народа, то для этой цѣли прежде всего рѣшено было устроить общественную кассу для раздачи стипендій студентамъ университета. Стипендіаты обязываются, по окончаніи университетскаго курса, служить шесть лѣтъ сельскими учителями, для которыхъ предполагалось выхлопотать вознагражденіе у помѣщиковъ и у казны, дополняя это вознагражденіе, если оно окажется недо-

статочнымъ, изъ средствъ кассы. Для молодежи, одушевленной такими намѣреніями, Шевченко былъ человѣкомъ желаннымъ; „будто само небо—говорить Кулишъ—послало его, и молодежь глядѣла на него, какъ на свѣтильникъ небесный“. Въ это время Шевченко былъ уже самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Украинѣ: печатные экземпляры его произведеній можно было встрѣтить чуть-ли не въ каждомъ домѣ, гдѣ находились грамотные; университетскіе студенты всѣхъ народностей списывали каждое новое произведеніе поэта и съ увлеченіемъ читали его; многіе учились украинскому языку специально для того, чтобы читать и понимать Шевченко. Самъ Шевченко, который и въ стихахъ и на словахъ и всѣмъ своимъ поведеніемъ вездѣ и всюду старался раскрыть весь ужасъ крѣпостного состоянія, съ восторгомъ принялъ предложеніе Кулиша. Въ своихъ постоянныхъ поѣздкахъ по Украинѣ, которыя онъ предпринимаетъ, выполняя порученія комиссіи, онъ рассказываетъ о задачахъ новаго общества, при чемъ онъ видимо былъ искренно убѣжденъ въ полной ихъ практической осуществимости. Однако до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній о томъ, предприняли ли что-нибудь это общество въ цѣляхъ осуществленія своей программы или же оно увяло въ самомъ началѣ. Что же касается поэтической и художественной дѣятельности Шевченка, то къ этому времени, повидимому, относится полный расцвѣтъ ея. Шевченко много пишетъ и, по порученію комиссіи,

много рисуешь, разѣзжая по праву и лѣвобережной Малороссіи для изученія и срисовыванія мѣстныхъ историческихъ памятниковъ.

Онъ увлеченъ работою, хотя только-что кончилась обидной неудачей его попытка устроить свою личную жизнь. Въ этомъ отношеніи поэту вообще не везло. Имѣя большую склонность къ тихой семейной жизни, которую онъ рисовалъ въ своихъ стихахъ такими нѣжными штрихами, Шевченко много разъ былъ влюбленъ, много разъ пытался жениться, надѣясь скрасить свою одинокую жизнь, но неудачи систематически преслѣдовали его. На этотъ разъ Шевченко влюбился въ Θεодосію Григорьевну, дочь кириловскаго священника Кошицы, у котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ жилъ въ качествѣ батрака. Вотъ это-то обстоятельство и разстроило сватовство, несмотря на то, что Θεодосія Григорьевна отвѣчаетъ поэту полной взаимностью и сама желаетъ вступить съ нимъ въ бракъ. О. Григорій, замѣтивъ взаимную склонность молодыхъ людей, хотѣлъ устранить бракъ какимъ,нибудь безобиднымъ образомъ и пустился для этого на хитрость. Онъ рѣшилъ покумить влюбленныхъ, и вотъ, когда у одного кириловскаго же крестьянина родился ребенокъ, ихъ пригласили крестить. Θεодосія Григорьевна, догадавшись однако, въ чемъ дѣло, пригласила кумомъ другое лицо и съ нимъ окрестила ребенка не у отца, а у другого мѣстнаго священника, но этимъ дѣла не поправила:—Шевченко все-таки получилъ отказъ. Θεо-

досія Григорьевна, горячо любившая поэта, замужъ потомъ ни за кого не пошла; она много страдала и, доведенная почти до психической болѣзни, скончалась въ 1884 г.

При постоянныхъ перекочевкахъ Шевченка съ мѣста на мѣсто, Кіевъ продолжалъ оставаться главнымъ мѣстомъ его пребыванія. И здѣсь-то, въ апрѣлѣ 1846 г., Шевченко познакомился и быстро сошелся съ профессоромъ исторіи Кіевского университета Н. И. Костомаровымъ. Костомаровъ, конечно, и раньше былъ знакомъ съ поэтическою дѣятельностью поэта, но теперь, познакомившись съ послѣдними, еще не напечатанными его произведениями, онъ увидѣлъ, „что муза Шевченка, раздирала завѣсу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно и упоительно было заглянуть туда“... Нѣсколькими мѣсяцами раньше Костомаровымъ организовано было тайное Кирилло-Меѳодіевское общество, уставомъ котораго полагалось, что каждое славянское племя должно имѣть свою самостоятельность, свое народное правленіе и соблюдать полную равноправность гражданъ. Предполагалась общая славянская федерація, съ сохраненіемъ каждымъ племенемъ своей національности. Предполагалось, что въ части федераціи будутъ имѣть общіе основные законы, мѣры, вѣсъ и монету; намѣчено освобожденіе крестьянъ и просвѣщеніе народа. Отсюда вытекала потребность распространенія федеративной идеи, освобожденія крестьянъ и организаціи школъ. Число членовъ обще-

ства къ этому времени доходило до ста. Преданный всей душой задачамъ этого общества, Костомаровъ, вскорѣ-же послѣ знакомства съ Шевченкомъ, поспѣшилъ завербовать его въ члены, тѣмъ болѣе, что вся программа Кирилло-Меѳодіевскаго общества выражала собою, въ сущности, мечты и настроенія, очень близкія поэзіи Шевченка. Вступивъ въ члены этой организаціи, Шевченко не бралъ на себя такимъ образомъ никакихъ новыхъ обязательствъ, которыхъ онъ не выполнялъ-бы раньше. Поэтому и въ дѣятельности его теперь мы не находимъ никакихъ переменъ: онъ по прежнему разъѣзжалъ по Малороссіи, срисовывая памятники старины, записывая сказки, преданія и проч. Интересъ текущей работы особенно усиливался въ настоящее время тѣмъ, что ближайшее будущее сулило Шевченку исполненіе его завѣтнѣйшихъ желаній: во-первыхъ, передъ нимъ стояла возможность получить мѣсто профессора ризованія при кіевскомъ университетѣ со сладкой надеждой впереди добиться преобразования кафедры въ самостоятельную южно-русскую академію художествъ; во-вторыхъ, одна „щирая украинка“, восторженная поклонница поэта, предложила ему, будто-бы „отъ неизвѣстнаго“, все свое состояніе, чтобы доставить ему возможность провести три года въ Италіи для усовершенствованія въ живописи. Въ жизни Шевченка наступилъ ясный солнечный день; поэтъ былъ счастливъ и веселъ и выражалъ свое настроеніе въ пѣсняхъ, въ

чарующемъ выполненіи которыхъ художественная натура его проявлялась, по словамъ современниковъ, всего выше и изящнѣе. Но коротокъ былъ солнечный день. Надъ головой Шевченка собиралась гроза, которая, разразившись, разбила всю послѣдующую его жизнь и погубила, расцвѣтшее было до полного блеска, его поэтическое дарованіе.

На членовъ Кирилло-Меовдіевского общества были сдѣланъ доносъ, и весною 1847 года нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и Шевченко, были арестованы и доставлены въ Петербургъ. Слѣдствіе продолжалось два мѣсяца и обнаружило лишь то, что сообщили сами арестованные, которые тщательно выгораживали поэта, отрицая его участіе въ обществѣ. Однако, хотя, какъ видно изъ всеподданнѣйшаго доклада шефа жандармовъ, участіе въ обществѣ и не было поставлено въ вину Шевченку, тѣмъ не менѣе изъ всѣхъ арестованныхъ онъ былъ признанъ „однимъ изъ важныхъ преступниковъ“ и понесъ самую суровую кару. Шефъ жандармовъ далъ заключеніе, что „Шевченко сочинялъ стихи на малороссійскомъ языкѣ самаго возмутительнаго содержанія. Въ нихъ онъ то выражалъ плачь о мнимомъ порабощеніи и бѣдствіяхъ Украины, то возглашалъ о славѣ гетманскаго правленія и прежней вольницѣ казачества, то съ невѣроятною дерзостью изливалъ клеветы и желчь на особъ Императорскаго дома. Шевченко приобрѣлъ славу знаменитаго писателя, и потому стихи его вдвойнѣ вредны и опасны.“

Подневольная солдатчина.—Въ Оренбургѣ.— Въ Орскѣ.— Экспедиція къ Аральскому морю.— „Мученикъ за вѣру“.— Новопетровское укрѣпленіе.— Занятія скульптурой.— „Отрада ищущій эпизодъ“.— Освобожденіе.

„Во вниманіе къ крѣпкому тѣлосложенію Шевченка“, онъ приговоренъ былъ къ сдачѣ рядовымъ въ Оренбургскій отдѣльный корпусъ съ воспрещеніемъ писать и рисовать, причѣмъ сочиненія его были изъяты изъ продажи. 9-го іюня—Шевченко былъ доставленъ въ Оренбургъ и зачисленъ рядовымъ въ пятый баталіонъ, расположенный въ Орской крѣпости.

Въ Оренбургѣ Шевченко пробылъ очень недолго, но о проѣздѣ его черезъ городъ все-же успѣли узнать его земляки и поклонники его таланта. Они прежде всего постарались объ облегченіи горькой участи поэта, причѣмъ получили обѣщаніе „сдѣлать все, что можно“. Затѣмъ одинъ изъ нихъ навѣстилъ поэта въ казармахъ и уговорилъ его зайти вечеромъ въ гости къ украинцамъ, которые будутъ счастливы видѣть его въ ихъ средѣ. Поэтъ отнесся сначала къ этой неожиданной встрѣчѣ очень сдержанно, но достаточно было нѣсколькихъ искреннихъ словъ участія со стороны его новыхъ зна-

комцевъ, чтобы сдержанность и недоувѣріе уступили мѣсто теплой взаимной привязанности, которая сохранилась затѣмъ на всегда.

Нѣмая пустыня, по которой проходилъ путь Шевченка къ Орской крѣпости, показалась ему раскрытою могилою, готовою похоронить его живо. „Рѣдко—говорить Шевченко—можно встрѣтить подобную безхарактерную мѣстность: плоско и плоско“. Самая крѣпость какъ нельзя болѣе гармонировала съ окружающею ее мѣстностью: все то же однообразіе, та-же плоскость, среди которой выдѣлялась лишь церковь, построенная на горѣ.

Оренбургскіе друзья Шевченка съ своей стороны сдѣлали все возможное, чтобы и въ Орскѣ облегчить ему существованіе, и, дѣйствительно, жизнь его тамъ оказалась сносно, чѣмъ можно было ожидать. Офицеры обращались съ нимъ сравнительно хорошо, хотя безправное положеніе поэта, какъ поднадзорнаго солдата, все-таки сказывалось и здѣсь не одинъ разъ. Даже при первомъ представленіи своемъ ротному командиру, пьяному поручику, Шевченко долженъ былъ выслушать угрозу наказанія розгами, если онъ будетъ вести себя дурно. Солдатская наука поэту совершенно не давалась, и въ теченіе десяти лѣтъ своей подневольной службы онъ не успѣлъ изучить ни одного ружейнаго приѣма. Шагистика тоже была ему недоступна; болѣе всего не давался ему „тихий учебный шагъ“, при которомъ фигура Шевченка „съ перевальцемъ“ никакъ не могла сохранять рав-

новѣсія, стоя на одной ногѣ. Да и вообще все кто видѣлъ поэта въ эти годы, утверждаютъ, что неуклюжая фигура его исключала всякую мысль о возможности военной выправки.

„Не постичь мнѣ этой премудрости, хоть ложись да и помирай“—много разъ съ отчаяніемъ говорилъ послѣ ученій несчастный страдалецъ.

Не умѣя дѣлать того, что насильно заставляли его, Шевченко больше всего тяготился однако невозможностью дѣлать то, къ чему влекло его высокое призваніе. Онъ можетъ еще понять, почему запретили ему писать. „Писать запретили—говоритъ онъ:—за сочиненіе возмутительныхъ стихотвореній; а за что запретили рисовать?..“ Запрещеніе писать не распространялось и, то не всегда впрочемъ, на частную переписку Шевченка. Но конечно, никакіе запреты въ мѣрѣ не могли бы заградить уста вдохновенному пѣвцу. Онъ самъ говорить объ этомъ запрещеніи:

Хочь доведется розпьястися,
А я такы мережать буду
Тыхенько билыи лысты.

Шевченко умудрялся писать и въ ссылкѣ; умудрялся и рисовать. Но все это дѣлалось украдкой, тайкомъ, и часто періоды болѣе или менѣе снисходительнаго отношенія начальства къ нарушеніямъ запрещенія смѣнялись усиленными строгостями, причемъ тогда уже не стѣснялись, даже передъ фронтомъ, выворачивать карманы Шевченка,

чтобы высмотрѣть, нѣтъ ли при немъ карандаша, чего-нибудь написаннаго или нарисованнаго.

Тяжелыя, непривычныя условія казарменной жизни тяжело отражались и на здоровьѣ Шевченка. Вскорѣ-же по прибытіи въ Орскъ онъ захворалъ ревматизмомъ. Въ виду этого ему сдѣлана была „поблажка“: разрѣшено было перейти изъ казармы на вольную квартиру, къ одному уральскому казаку. „Гадкая, но все-таки, по словамъ Шевченка, свободная изба“ дала ему силы бороться съ недугомъ. Онъ началъ-было поправляться, но его поспѣшили опять перевести въ казарму, гдѣ къ ревматизму немедленно-же присоединилась „цынга лютая“, которая заставила поэта задуматься даже о смерти. Причиною поспѣшнаго перевода Шевченка съ вольной квартиры въ казарму послужилъ аллегорическій рисунокъ, который художникъ набросалъ во время своей болѣзни. Рисунокъ воспроизводитъ южно-русскую деревню. На первомъ планѣ стояла убогая хатенка, огороженная высокимъ частоколомъ. Тучи заволакивали голубое небо, но солнечные лучи проглядывали изъ-за тучъ и черезъ щели частокола освѣщали хату. Лицомъ къ частоколу, а спиной къ избѣ стоялъ министръ народнаго просвѣщенія и сѣрою солдатскою шинелью закрывалъ солнечный свѣтъ, не давая ему проникнуть въ хату.

Большимъ облегченіемъ печальныхъ дней поэта служила переписка его съ друзьями. Правда, онъ горько жалуется на многихъ изъ нихъ, кото-

рые не скоро вспомнили о немъ. „Прежде,—писалъ онъ одному изъ друзей—бывало на собаку брось, такъ попадешь въ друга, а какъ пришлось плохо, такъ Богъ знаетъ, гдѣ они дѣлись! Не умирали-ли ужъ?... А если-бы они знали, что одно ласковое слово для меня теперь больше всякой радости!... Такъ что-то недогадливы они“... Постепенно однако друзья Шевченка стали не только утѣшать его „ласковыми словами“, но и присылать книги, въ которыхъ онъ чувствовалъ насущную потребность, и даже краски... Понятна поэтому тревога, охватившая поэта при вѣсти о предстоящей съ весны 1848 г. экспедиціи черезъ степи къ Аральскому морю. Шевченко страшно опасался, что и его отправятъ въ эту экспедицію и что онъ годъ, а можетъ быть и три—не будетъ имѣть сообщенія съ близкими его сердцу людьми.

Опасенія Шевченка оправдались: онъ былъ зачисленъ въ экспедицію, но зато на весьма льготныхъ для него условіяхъ. Начальникъ экспедиціи капитанъ-лейтенантъ Бутаковъ взялъ Шевченко съ собой какъ художника, необходимаго ему для срисовыванія береговъ Аральскаго моря; онъ отнесся къ поэту въ высшей степени гуманно и предоставилъ ему идти отдѣльно отъ роты, въ штатскомъ костюмѣ. Экспедиція выступила изъ Орска 12 мая въ составѣ двухъ ротъ солдатъ, двухъ сотенъ уральскихъ казаковъ и въ сопровожденіи киргизовъ и громаднаго обоза. Экспедиція направилась въ Раимское укрѣпленіе, откуда

часть экспедиціоннаго отряда перешла на двѣ шкуны для описанія Аральскаго моря. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ плаванья Шевченко исключительно занимался срисовываніемъ береговъ. Зимовка была назначена въ Коссъ-Аральскомъ фортѣ, и такъ какъ Бутаковъ отправился на зиму въ Оренбургъ, то Шевченко остался совершенно одинокимъ. Казарменная обстановка, холодъ, мятели, отсутствіе книгъ, а главное писемъ наводили на него тоску.

Среди этой тоскливой обстановки на Коссъ-Араль случился одинъ забавный эпизодъ, о которомъ Шевченко такъ рассказываетъ въ своемъ „дневникѣ“: „Въ 1848 г. послѣ трехмѣсячнаго плаванія по Аральскому морю, мы возвратились въ устье Сыръ-Дарьи, гдѣ должны были провести зиму. У форта, на островѣ Коссъ-Араль, гдѣ занимали гарнизонъ уральскіе казаки, вышли мы на берегъ. Уральцы, увидѣвъ меня съ широкою, какъ лопата, бородою, тотчасъ смекнули дѣломъ, что я непременно мученикъ за вѣру. Донесли тотчасъ своему командиру, а тотъ, не будучи дуракъ, зазвалъ меня въ камышъ, да баць предо мной на колѣни. „Благословите, говоритъ, батюшка! Мы, говоритъ, уже все знаемъ!“ Я тоже, не будучи дуракъ, смекнулъ, въ чемъ дѣло, да и хватилъ самымъ раскольничьимъ благословеніемъ. Восхищенный есаулъ облобызалъ мою руку и вечеромъ задалъ намъ такую пирушку, какая намъ и во снѣ не грезилась.

„Вскорѣ послѣ этого, уже сбривши бороду, я отправился въ Раймъ; тутъ Аральцы встрѣтили меня съ затаеннымъ восторгомъ, а отрядный начальникъ предложилъ мнѣ 25 рублей, отъ которыхъ я неблагоразумно отказался и этимъ, по ихъ понятіямъ, безпримѣрныхъ безкорыстіемъ, подвинулъ благочестивую душу старика отговѣться въ табунѣ, въ кибиткѣ, по секрету и, если возможность позволить, причаститься отъ такого безпримѣрнаго пастыря, какъ я. Чтобы не нажить себѣ хлопотъ, я скорѣе оставилъ укрѣпленіе и уже аккуратно, два раза въ недѣлю, брилъ себѣ бороду.“

Съ окончаніемъ экспедиціи Бутаковъ взялъ съ собою въ Оренбургъ и Шевченко для окончанія работъ по описанію Аральскаго моря. Шевченко поселился въ домѣ своего пріятели капитана Герена, пользуясь значительной для своего положенія свободой. Здѣсь онъ возобновилъ переписку со своими старыми друзьями, поддерживалъ живыя сношенія съ новыми, главнымъ образомъ съ украинцами и поляками, которые относились къ нему съ искреннимъ и сердечнымъ расположеніемъ, читалъ, писалъ стихи, рисовалъ, и бодрое настроеніе снова возвратилось къ нему. Солдатомъ онъ былъ здѣсь только номинально, причемъ не стѣснялся даже формой, нерѣдко появляясь среди друзей своихъ въ штатскомъ платьѣ. Главный начальникъ Оренбургскаго края генералъ Обручевъ не могъ, конечно, не знать всего этого, тѣмъ болѣе, что Шевченко былъ приглашенъ даже на-

писать портретъ его супруги. Въ такомъ положеніи Шевченко прожилъ въ Оренбургѣ пять мѣсяцевъ, послѣ чего надъ нимъ неожиданно стряслась новая бѣда. Прапорщикъ Исаевъ, изъ побужденій личной мести, формально донесъ Обручеву, что Шевченко пишетъ, рисуетъ и ходитъ въ штатскомъ платьѣ. Обручевъ, опасаясь, что копія съ доноса могла быть послана въ Петербургъ шефу жандармовъ гр. Орлову, съ которымъ онъ находился въ натянутыхъ отношеніяхъ, далъ ходъ доносу и принялъ противъ Шевченка крутыя мѣры. У Шевченка былъ произведенъ обыскъ, послѣ котораго онъ былъ арестованъ и отправленъ по этапу въ Орскъ, гдѣ просидѣлъ въ казематѣ нѣсколько мѣсяцевъ, пока велось слѣдствіе. Хотя слѣдствіе никакихъ преступленій, совершенныхъ Шевченко, не обнаружило, но тѣмъ не менѣе генераль Обручевъ приказалъ отправить поэта въ Новопетровское укрѣпленіе ¹⁾ и учредить тамъ за нимъ строжайшій надзоръ, ни подъ какимъ видомъ не позволяя ему нарушать Высочайшаго запрещенія писать и рисовать.

И вотъ, 8-го октября 1850 г., по пути въ новое мѣсто изгнанія, Шевченко доставленъ въ Уральскъ. Здѣсь батальонный штабъ зачислилъ его въ 4-ю роту подъ надзоръ штабсъ-капитана Потапова и отправилъ въ Гурьевъ, откуда уже на лодкѣ черезъ Каспійское море Шевченко переправленъ въ Новопетровскій фортъ.

¹⁾ Переименовано въ фортъ Александровскій.

„Заброшенное за Каспій, Богомъ забытое“, Новопетровское укрѣпленіе во времена Шевченка представляло изъ себя небольшой укрѣпленный пунктъ съ десятью орудіями, расположенный на известковой обрывистой скалѣ Мангышлака, верстахъ въ трехъ отъ Каспійскаго моря. Каменная церковь, комендантскій домъ, гауптвахта съ госпиталемъ, казармы,—все это окрашенное въ однообразный желтый цвѣтъ—вотъ и вся крѣпость, возлѣ которой, подъ горой, ближе къ морю, ютилось нѣсколько армянскихъ лавокъ съ кабакомъ. Западная часть крѣпости обращена къ морю, а остальные три были окружены безконечною голою киргизскою степью. „Песокъ да камень—говорить Шевченко—хоть бы травка, хоть бы деревцо,—ничего нѣтъ!.. Смотришь, смотришь, да такая тебя тоска возьметъ, просто хоть удавись, да удавиться нечѣмъ!..“ Лѣтомъ—тропическая жара, зимою—стужа, и постоянные, съ ранней осени до поздней весны, холодные сѣверо-восточные вѣтры, угнетающіе нервную систему,—такова была новая и незамкнутая тюрьма, въ которой Шевченко предстояло провести семь томительно-однообразныхъ, тяжелыхъ лѣтъ.

Населеніе Новопетровскаго форта, по нѣскольку мѣсяцевъ въ году не имѣвшее никакихъ сообщеній съ внѣшнимъ міромъ, было погружено въ спячку, которую разнообразили „мунштры“, водка, да азартныя игры въ карты и лото. Никакихъ книгъ въ фортѣ не было, никакихъ газетъ,

кромѣ „Русскаго Инвалида“, не получалось. Ближайшее начальство Шевченка, въ лицѣ капитана Потапова, который прямо таки издѣвался надъ отданнымъ подъ его строжайшій и неусыпный надзоръ поэтось, и въ лицѣ поручика Обрядина, обкрадывавшаго солдатъ, тѣмъ менѣе могло хоть сколько-нибудь скрасить эту ужасную обстановку. И Шевченко затихъ, замеръ въ фортѣ. Онъ не писалъ стиховъ, не рисовалъ, не писалъ писемъ и весь превратился въ „безжизненнаго флегму“. Старые друзья поэта также не присылали ему вѣстей, и Шевченко, не зная настоящей причины ихъ молчанія, сильно грустилъ о томъ, что „ближніе мои далече мене сташа“.

А между тѣмъ наиболѣе расположенные къ нему люди замолкли не совсѣмъ добровольно, а подъ угрозами всепильнаго въ то время графа Орлова. Старшаго пріятеля Шевченка—Лизогуба—графъ на словахъ настрацалъ „непріятными послѣдствіями“, а княжнѣ Репниной, въ отвѣтъ на ея горячую мольбу „не прибавлять къ наказанію Шевченка утонченную жестокость, запрещающую ему рисовать“, графъ Орловъ далъ строгое внушеніе не принимать въ Шевченкѣ участіе, „непріличное по его порочнымъ и развратнымъ свойствамъ“ и вообще „на будущее время меньше вмѣшиваться въ дѣла Малороссіи (?), въ противномъ случаѣ княжна сама будетъ причиною непріятныхъ послѣдствій“.

Съ перемѣнами въ административныхъ сферахъ

оренбургскаго края, когда вмѣсто Обручева былъ назначенъ Перовскій, а въ Новопетровскомъ укрѣпленіи Потапова смѣнилъ Косаревъ, положеніе Шевченка нѣсколько поправилось. Онъ получилъ возможность переписываться съ друзьями, получать отъ нихъ деньги и книги и освободился отъ черныхъ и тяжелыхъ работъ, на которыя его раньше назначали безусловно. Когда-же весною 1853 г. комендантомъ форта былъ назначенъ Усковъ, то поэтъ въ семьѣ этого послѣдняго нашелъ кромѣ того и доброе, сердечное къ себѣ отношеніе. Поэтъ нѣсколько ожилъ и къ этому времени относится новое его увлеченіе, въ которомъ онъ нашелъ исходъ своей неудовлетворенной потребности къ творческой дѣятельности. Онъ занялся скульптурой. Сначала возникъ-было вопросъ, можно-ли разрѣшить ему занятіе скульптурой, разъ существуетъ запрещеніе рисовать и писать. Усковъ разрѣшилъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, и Шевченко сдѣлалъ въ Новопетровскѣ не мало лѣпныхъ работъ. Осенью того же года Шевченко предложилъ Ускову разбить въ лишенномъ растительности фортѣ садъ, который прекрасно принялся и донинѣ связанъ съ именемъ поэта. Избранное имъ для сада мѣсто, было уже раньше украшено вербой, происхождение которой Шевченко описываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, какъ „отраднѣйшій эпизодъ“, такими словами: „Въ 1850 г., когда меня препровождали изъ Орской крѣпости въ Новопетровское укрѣпленіе, въ Гурьевѣ

я на улицѣ поднялъ свѣжую вербовую палку, привезъ ее въ укрѣпленіе и на гарнизонномъ огородѣ воткнулъ ее въ землю, да и забылъ про нее; весною уже огородникъ напомнилъ мнѣ, что палка моя растеть. Она дѣйствительно пустила ростки: я ну ее поливать, а она рости, и въ настоящее время она будетъ вершковъ шесть толщины въ діаметрѣ и, по крайней мѣрѣ, сажени три вышины. молодая и роскошная; правда, я на нее и воды не мало вылилъ,—зато теперь, въ свободное время и съ позволенія фельдфебеля, жуирую себѣ въ ея густой тѣни. Нынѣшнее лѣто думаю нарисовать ее, разумѣется, втихомолку... Вотъ вамъ одинъ, единственный отрадный эпизодъ изъ моей монотонной безотрадной жизни“.

Здѣсь-же, въ саду поэтъ соорудилъ землянку, аршина на два надъ землей, будто-бы для коменданта. Лѣтомъ онъ проводилъ въ ней свои досуги и могъ никѣмъ не соглядаяемый рисовать и писать, причемъ здѣсь именно, не рѣшаясь пользоваться языкомъ Украины, онъ написалъ всѣ свои повѣсти на русскомъ языкѣ. Если къ перечисленнымъ отраднымъ минутамъ въ жизни Шевченка прибавить случайную встрѣчу его съ пріѣхавшимъ для ученыхъ изысканій молодымъ украинцемъ Н. Я. Данилевскимъ, который, по признанію поэта, прямо-таки вскружилъ ему голову своими личными достоинствами, да знакомство съ уральскимъ казакомъ, художникомъ-диллетантомъ и поэтомъ. Н.

Θ. Савичевымъ ¹⁾, черезъ котораго затѣмъ Шевченко поддерживалъ сношенія съ нѣкоторыми изъ своихъ старыхъ друзей, то мы перечислимъ все, что такъ или иначе поддерживало въ несчастномъ изгнанникѣ бодрость и отрывало его отъ тусклой и пошлой атмосферы форта, наполненной интригами, оскорбленіями, картами и пьянствомъ.

Здоровье Шевченка сильно разстроилось въ этой обстановкѣ. Молодость ушла безвозвратно,—а надежды на освобожденіе рушились одна за другой. Даже два манифеста о всеобщей амнистіи (1855—1856 г.) не коснулись поэта и только послѣ восьмимѣсячныхъ энергичныхъ хлопотъ вице-президента академіи художествъ графа Θ. П. Толстого, его супруги и другихъ лицъ, въ апрѣлѣ 1857 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи Шевченка. Но „быстро и горячо—пишетъ онъ въ запискахъ—исполняется приказаніе арестовать; напротивъ, вяло и холодно исполняется приказаніе—освободить“,—только 2-го августа удалось поэту выбраться изъ Новопетровска.

¹⁾ Въ Новопетровскомъ укрѣпленіи стояла уральская казачья команда, въ которой Н. Θ. Савичевъ и служилъ.

IV.

„Недоразумѣніе“ и остановка въ Н.-Новгородѣ.—Подготовка къ столичной жизни.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Общественныя отношенія и дѣловая жизнь.—Поѣздка въ Украину.—Новое „недоразумѣніе“.—Попытки устроить личную жизнь.—Просвѣтительная дѣятельность.—Болѣзнь и смерть.—Погребеніе.

Черезъ Астрахань на пароходѣ отправился освобожденный узникъ вверхъ по Волгѣ, наслаждаясь природой и искреннимъ участіемъ со стороны встрѣчающихся ему по пути поклонниковъ его таланта. Все шло благополучно до Н.-Новгорода, но здѣсь Шевченку неожиданно объявляютъ, что по распоряженію начальства онъ долженъ быть арестованъ и немедленно возвращенъ въ Оренбургъ, гдѣ и „долженъ имѣть мѣсто жительства впредь до окончательнаго увольненія его на родину“; въѣздъ въ столицу былъ ему безусловно воспрещенъ. Нечего и говорить, что случай этотъ страшно взволновалъ поэта. Къ счастью, нижегородская администрація вошла въ его положеніе и, подъ предлогомъ какой-то продолжительной болѣзни, предоставила ему жить въ Н.-Новгородѣ, въ ожиданіи разъясненія печальнаго недоразумѣнія. Снова начались хлопоты, въ которыхъ осо-

бенно дѣятельное участіе приняла его новая заступница графиня Толстая. А Шевченко, не теряя времени, старался между тѣмъ использовать свой досугъ съ наибольшею пользою. Въ письмѣ къ графинѣ Толстой онъ говоритъ, что ему „необходимо было какого-нибудь перепутья между Сѣверною Пальмирою и киргизскою степью,—иначе я появился бы къ вамъ настоящимъ киргизомъ. Въ продолженіе 10 лѣтъ я ничего не читалъ. Вотъ вы и представьте себѣ, какимъ темнымъ простакомъ явился-бы я въ общество людей просвѣщенныхъ. Теперь книгъ у меня много, и я читаю за все“. Невольная остановка въ Нижнемъ огорчала поэта больше всего потому, что здѣсь ему недоставало старыхъ друзей. Правда, нижегородцы относились къ знаменитому поэту-страдальцу какъ нельзя лучше, но все это было не то,—тутъ не было связи съ прошлымъ, молодымъ, хорошимъ прошлымъ, отъ котораго поэтъ былъ оторванъ десятью годами тяжелыхъ лишеній. Жажда видѣть старыхъ друзей была такъ сильна въ немъ, что кратковременный пріѣздъ къ нему, въ Нижній, М. С. Щепкина онъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ какъ „праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ“.

Быть можетъ, эти нѣсколько дней, посвященныхъ дружбѣ, пробудили въ Шевченкѣ неудовлетворенную потребность личной жизни, но вскорѣ послѣ отъѣзда Щепкина онъ полюбилъ. На этотъ разъ предметомъ его увлеченія была молодая актриса Піунова; онъ сдѣлалъ ей предложеніе, но

сочувствія не встрѣтилъ. Между тѣмъ въ это-же время въ Петербургѣ былъ разрѣшенъ вопросъ о правѣ его на возвращеніе въ столицу: ему дозволено было жить въ Петербургѣ подѣ надзоромъ полиціи и посѣщать классы академіи подѣ руководствомъ графа Ѳ. П. Толстого.

Сборы Шевченка были, конечно, не долги. Остановившись на двѣ недѣли въ Москвѣ, повидавшись съ друзьями и перезнакомившись тамъ съ лучшими писателями, которые отнеслись къ нему очень радушно, Шевченко 27 марта 1858 г. приѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь ему, какъ поднадзорному, прежде всего пришлось представиться своимъ „опекунамъ“, причемъ старый знакомый его и землякъ, правитель канцеляріи оберъ-полицеймейстера, рѣшительно посоветовалъ сбрить отроченную имъ бороду, „чтобы не произвести непріятнаго впечатлѣнія на оберъ-полицеймейстера“. Снявшись предварительно въ бородѣ, Шевченко принужденъ былъ исполнить этотъ „совѣтъ“.

Короткими визитами къ „главному своему надзирателю“ и къ шефу жандармовъ закончилось всѣ его официальныя отношенія. Миръ неофициальныхъ отношеній Шевченка, съ первыхъ-же дней его пребыванія въ Петербургѣ, расширился до громаднхъ размѣровъ, и поэтъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ опасенія, какъ бы ему не сдѣлаться „модной фигурой“ въ столицѣ. Лучшіе люди столицы наперерывъ стѣгнули выразить поэту уваженіе къ его таланту, сочувствіе перенесен-

нымъ имъ страданіямъ, и кругъ знакомыхъ его настолько разросся, что у него рѣшительно не хватало ни времени, ни возможности откликаться на всѣ, обращаемыя къ нему дружескія приглашенія на вечера и обѣды.

Эти общественныя отношенія, слагавшіяся помимо воли Шевченка, съ одной стороны, а съ другой—разстроенное здоровье и разбитые нервы не могли, разумеется, содѣйствовать успѣшности той работы, ради которой собственно онъ и явился въ Петербургъ. А нервы поэта были разбиты въ немалой степени, и часто волненіе его доходило до того, что онъ совершенно не владѣлъ собой. Я. П. Полонскій рассказываетъ одинъ случай, очень характерный для настроенія, въ какомъ тогда находился Шевченко. „Вспоминая о своемъ дѣтствѣ, о своихъ родныхъ, находившихся еще въ крѣпостномъ состояніи, Шевченко скрежеталъ зубами, плакалъ, наконецъ, взвизгнувъ, такъ хватилъ кулакомъ по столу, что чашки съ чаемъ слетѣли на полъ и разбились въ дребезги. Я—прибавляетъ Полонскій—не могъ въ эту минуту утѣшить его, да и не хотѣлъ, такъ какъ вполне раздѣлялъ ненависть его ко всякому рабству“. Тѣмъ не менѣе Шевченко крѣпился и, поселившись въ академіи, усердно принялся за гравированіе, рассчитывая потомъ, года черезъ два, возвратиться въ Украину и тамъ заняться изданіемъ для народа дешевыхъ гравюръ, которымъ онъ придавалъ большое образовательное значеніе.

Къ родной Украинѣ всегда и всюду стремились всѣ помыслы Шевченка, и теперь, надломленный страданіями, уставшій, онъ мечталъ о тихомъ уголкѣ на берегу Днѣпра, гдѣ онъ могъ бы спокойно и мирно отдаться работѣ въ цѣляхъ просвѣщенія родного народа. Въ началѣ апрѣля 1859 г. онъ представилъ въ академію свои граверныя работы съ прошеніемъ о предоставленіи ему званія академика, а въ маѣ выѣхалъ изъ Петербурга. Въ это же время онъ усиленно хлопоталъ о новомъ изданіи „Кобзаря“, разчитывая на вырученныя деньги пріобрѣсти усадьбу и выкупить на волю родныхъ.

Знакомыя мѣста, роскошныя картины южной природы глубоко волновали сердце Шевченка. „Какъ хорошо было-бы жить поэту, если-бы ему можно было быть только поэтомъ и не быть гражданиномъ“—сказалъ какъ-то Шевченко, очарованный прелестью украинской ночи съ мириадами звѣздъ на чистомъ голубомъ небѣ. Но, конечно, Шевченко меньше всего могъ считать себя *только* поэтомъ, и черезъ нѣсколько дней послѣ произнесенной фразы онъ, въ кругу своихъ закрѣпощенныхъ родныхъ, испытываетъ тяжелыя страданія, наблюдая все тѣ-же, неизмѣнившіяся отъ времени, „неволю, бѣдность и скорбь“...

Не успѣлъ нашъ поэтъ оглянуться на старыхъ мѣстахъ, какъ надъ нимъ неожиданно стряслась новая бѣда: его арестовали и какъ „богоотступника“ отправили подъ конвоемъ въ Кіевъ. Настоя-

щая причина этого ареста до послѣдняго времени оставалась невыясненной, но, какъ оказывается теперь, на Шевченко былъ сдѣланъ доносъ, будто бы онъ въ спорѣ на богословскія темы позволилъ себѣ публично кощунствовать и богохульствовать. Уѣздная полиція, которой уже дано было предписаніе о „неослабномъ надзорѣ“ за рядовымъ Шевченкомъ, воспользовалась случаемъ блеснуть передъ начальствомъ своей бдительностью и, не провѣривъ доноса, арестовала поэта. Кіевскій генералъ-губернаторъ кн. Васильчиковъ, нарядивъ надъ „богоотступникомъ“ слѣдствіе, которое обнаружило полную неосновательность обвиненія, велѣлъ дѣло прекратить и, отпуская мнимаго преступника, посоветовалъ ему поскорѣе возвратиться въ Петербургъ.—„Тамъ—сказалъ кн. Васильчиковъ—люди болѣе развитые и не придираются къ мелочамъ изъ желанія выслужиться за счетъ ближняго“.

Шевченко послѣдовалъ совѣту и, пробывъ въ Кіевѣ около двухъ недѣль, уѣхалъ въ Петербургъ. Сюда онъ прибылъ однако не для того, чтобы обосноваться прочно въ столицѣ. Нѣтъ, Украина, такъ негостепріймно встрѣтившая поэта, по прежнему влекла его къ себѣ, и въ столицѣ онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ окончательно устроить свои личныя дѣла и тогда снова возвратиться на родину. Прежде всего надо было добиться разрѣшенія переиздать „Кобзаря“, на которомъ еще съ 1847 г. лежало цензурное запрещеніе. Хлопоты увѣнчались успѣхомъ, и „Кобзарь“, хотя и сильно

урѣзанный въ цензурѣ, наконецъ, въ январѣ 1860 г. вышелъ въ свѣтъ и былъ встрѣченъ малороссами съ восторгомъ. Не только люди образованные—писаль ему изъ Полтавы Кулишъ—„а всяка душа письменна и щира“ носится съ „Кобзаремъ“ какъ съ драгоценностью; его учатъ на память, да чуть-ли не по „Кобзарю“ и Богу молятся. Русская критика, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, на этотъ разъ тоже сочувственно отнеслась къ пѣвцу Украины, уже ничуть не оспаривая его права говорить на родномъ языкѣ. Съ этой стороны дѣла поэта, стало-быть, наладились. Но „слава мнѣ не помогаетъ“—съ горечью говорилъ Шевченко, продолжающій и въ это время жить на бивакахъ въ чужомъ городѣ, гдѣ все-таки, среди расположенныхъ къ нему друзей, онъ не находилъ человѣка, который „подперъ-бы его старья плечи“. „Я съ ума сойду на чужбинѣ въ одиночествѣ“—пишетъ онъ своему свояку Варѣоломею Шевченку, настойчиво заставляя его какъ можно скорѣе выбрать и купить для него усадьбу, и непременно такую, чтобы „Днипро бувъ била порога“. Но, несмотря на постоянныя напоминанія, несмотря на всевозможныя уступки поэта, поиски подходящаго для усадьбы клочка на Днѣпрѣ шли туго, то и дѣло наталкиваясь на разныя неожиданныя препятствія. Не менѣе неудачно шло и сватовство поэта; теперь онъ очевидно ищетъ себѣ не подругу жизни, а хотя-бы только добрую хозяйку, которая согласилась-бы раздѣлить съ нимъ его одиночество. На-

чинаетъ онъ свое сватовство съ Харитины—крѣпостной дѣвушки, служившей по найму у того-же Варѣоломея Шевченка. Вспомнивъ о ней въ Петербургѣ, онъ пишетъ Варѣоломею письмо съ просьбою сосватать ему Харитину. Варѣоломей отговариваетъ его и предлагаетъ ему сосватать какую-то образованную барышню. „Твои разсужденія хороши—отвѣчайте ему на это поэтъ:—но ты забылъ, что я по плоти и духу сынъ и родной братъ нашего бездольнаго народа. Да и что въ моей мужичьей хатѣ будетъ дѣлать та „одукована“ панночка? Сама съ тоски погибнетъ и мнѣ жизни прибавитъ... Мать вездѣ мать: если она искренна и умна, то и дѣтей воспитаетъ хорошо, а если она и „одукована“, но безъ толку, безъ сердца, то и дѣти выростутъ, „якъ те ледащо въ шинку“. Варѣоломей сдался, но и это сватовство успѣха не имѣло...

Нѣсколько удачнѣе, хотя и далеко не въ такой степени, какъ этого хотѣлъ самъ поэтъ, оказались его хлопоты по дѣлу освобожденія изъ крѣпостной зависимости родныхъ сестеръ и братьевъ. Лично онъ долженъ былъ сознать свое безсиліе въ осуществленіи этой завѣтной мечты своей, и вотъ онъ обращается къ обществу. Въ журналѣ „Народное Чтеніе“ онъ помѣщаетъ, въ видѣ письма въ редакцію, коротенькую автобіографическую замѣтку, которая заканчивается такими словами: „И что-же я купилъ у судьбы своими усиліями не погибнуть?—Едва-ли не одно страшное уразумѣніе сво-

его прошедшаго. Оно ужасно! оно тѣмъ болѣе для меня ужасно, что мои родные братья и сестры, о которыхъ мнѣ было тяжело вспоминать въ этомъ письмѣ, до сихъ поръ крѣпостные. Да, м. г., они крѣпостные до сихъ поръ!“ Письмо это сдѣлало свое дѣло: на положеніе родныхъ Шевченка было обращено вниманіе, и „Общество для пособія нуждающимся литераторамъ“ вошло въ переговоры съ Флерковскимъ, во владѣніи котораго находились „души“ Шевченковъ, отъ освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости. Въ результатѣ переговоровъ „души“ были освобождены за нѣсколько мѣсяцевъ до обнародованія манифеста 19 февраля, но безъ земельного надѣла, чего именно больше всего и опасался поэтъ.

Но всѣ эти личныя хлопоты, огорченія и неудачи не могли отвлечь дѣятельной натуры Шевченка отъ тѣхъ общественныхъ задачъ, которыя онъ считалъ самымъ существеннымъ дѣломъ своей жизни. Забота о просвѣщеніи родного народа, забота, побудившая его раньше сдѣлаться членомъ тайнаго общества, организованнаго Кулишемъ, а затѣмъ вступити въ составъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства, волнуетъ его и теперь съ тою же силой, какъ десять лѣтъ тому назадъ, до ссылки. Только теперь, наканунѣ освобожденія крестьянскаго населенія, надо было снѣшить и дать выходящему изъ-подъ помѣщичьей указки народу хоть что-нибудь, что помогло-бы ему устрѣниться въ самостоятельной, руководимой собственнымъ умомъ,

жизни. Въ Малороссіи, какъ и въ центральной Россіи, въ эту пору молодежь съ горячимъ увлеченіемъ отдавалась насажденію въ народѣ грамотности: во многихъ мѣстахъ открывались школы и воскресные классы. Но на родинѣ Шевченка эта культурная работа сильно тормазилась отсутствіемъ учебниковъ и даже букварей, приспособленныхъ для школъ. Вотъ этой то насущной нуждѣ и пошелъ теперь на встрѣчу поэтъ. Прежде всего онъ составилъ и издалъ для украинскаго народа дешевый „Букварь“, затѣмъ имъ намѣчена была цѣлая серія учебниковъ на малорусскомъ-же языкѣ: арифметика, географія, исторія Украины и т. п. „Если—писалъ онъ въ это время—Богъ поможетъ сдѣлать это малое дѣло, то большое само собою совершится“.

Рядомъ съ заботами о начальномъ образованіи народа Шевченко не упускалъ изъ вида интересовъ и потребностей читателей, уже подготовленныхъ. Еще въ собраніяхъ Кирилло-Меѳодіевскаго общества онъ настойчиво твердилъ о необходимости издавать журналъ. Теперь, послѣ ссылки, онъ настаиваетъ на томъ-же, и сплоченный возлѣ него въ Петербургѣ кружокъ малороссовъ возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи издавать ежемѣсячный журналъ „Хату“. Ходатайство это было отклонено шефомъ жандармовъ, но черезъ годъ кружку удалось все-таки добиться разрѣшенія на изданіе журнала „Основа“, подъ редакціей В. М. Бѣлозерскаго. Канунъ 1861 года „основьяне“ встрѣчали у

редактора журнала, празднуя въ то-же время выходъ первой книжки, которая уже печаталась, но „первоначальникъ общаго дѣла“ не принималъ участія въ торжествѣ, прикованный болѣзнию къ постели. Годы изгнанія сильно разстроили здоровье поэта; въ столицѣ болѣзнь обострилась и теперь смерть вѣрными и быстрыми шагами приближалась къ Шевченку. Однако и на смертномъ одрѣ онъ продолжалъ по прежнему чутко прислушиваться къ крупнымъ общественнымъ явленіямъ и всѣмъ существомъ своимъ отзываться на нихъ. Больше всего, конечно, интересовался онъ въ послѣдніе дни своей многострадальной жизни дѣломъ освобожденія крестьянъ. Предполагалось, что манифестъ будетъ объявленъ 19-го февраля; когда въ этотъ день зашелъ къ Шевченку одинъ изъ его друзей, больной, вмѣсто всякаго привѣтствія, спросилъ его:

— Что, есть? есть воля? манифестъ объявленъ? и, взглянувъ въ глаза своего гостя, понялъ отвѣтъ. Глубоко вздохнувши, онъ еще разъ спросилъ: „такъ нѣтъ?“—Нѣтъ.—„Когда-же она будетъ?“ закрывъ лицо руками, онъ упалъ на диванъ и зарыдалъ.

Утромъ 26-го февраля 1861 года Тараса Григорьевича Шевченка не стало.

Великаго пѣвца Украины похоронили сначала въ Петербургѣ, на Смоленскомъ кладбищѣ. Но тогда-же друзья поэта возбудили ходатайство о разрѣшеніи перевезти тѣло покойнаго въ Укра-

ину, причемъ основаніемъ для этого выставлялось собственное желаніе поэта „умерты на Днипрѣ, хочъ на малесенкій горѣ“ желаніе, выраженное имъ даже въ особомъ поэтическомъ „Заповитѣ“:

„Якъ умру, то поховайте
Мене на могили,
Середъ степу широкого,
На Вкраини мылій;
Щобъ ланы широкополи,
И Днипро, и кручи
Булы выдни, було чуты,
Якъ реве ревучый...“

Въ апрѣлѣ получено было разрѣшеніе, и 26-го того-же мѣсяца гробъ поэта вынули изъ могилы, вложили въ цинковый и поставили на рессорныя дроги. Когда все приготовленія къ отбѣзду были сдѣланы, къ дрогамъ подошелъ Кулишъ. „Что-же это ты, батьку Тарасе,—сказалъ онъ—отбѣзжаешь въ Украину „безъ червонои кытайки—заслуги козацькои“? Ни одинъ свободный предокъ твой не сходилъ въ могилу безъ этой послѣдней чести... Покройте-же, господа, печальный черный гробъ славнымъ краснымъ цвѣтомъ!“

Прахъ усопшаго похороненъ на берегу Днѣпра, на крутой и высокой Чернечей (нынѣ Тарасовой) горѣ, близъ Канева, на томъ самомъ мѣстѣ, которое Варѣоломей Шевченко заарендовалъ-было уже подъ усадьбу для поэта.

Этимъ однако не закончилось еще „погребеніе“

Шевченка: „доносъ“, преслѣдовавній его при жизни, перешелъ и на могилу поэта. Устройство могилы потребовало продолжительнаго времени, но прежде, чѣмъ оно было доведено до конца, киевскому генераль-губернатору донесли, что послѣдователи Шевченка устроили заговоръ противъ помѣщиковъ, что могила является пунктомъ собраній заговорщиковъ и что въ самой могилѣ, вмѣсто Шевченка, зарыть сундукъ пожей. Доносъ надѣлалъ много шума; два мѣсяца тянулось слѣдствіе, создавшее „дѣло“ изъ 108 листовъ испанской бумаги, и, конечно, кончилось ничѣмъ.

Произведенія поэта.

Общее содержаніе произведеній Шевченка.—Герои казачества XVI и XVII вв.—Состояніе Малороссіи въ срединѣ XVIII в.—Гайдамаки.—Итоги гайдамачины.—Практическая потребность въ историческомъ знаніи.—Общественныя противорѣчія.—Шевченко и Некрасовъ.

Въ широкихъ рамкахъ поэтическаго творчества Шевченка свободно умѣстилась вся жизнь малорусскаго народа. „У мой хатыни—говорить самъ поэтъ—якъ въ степу безкраимъ—

Козацтво гуляе, байракъ гомонить,
У мой хатыни сыне море грае,
Могыла сумуе, тополя шумить,
Тыхесенько „Грыця“ дивчына спивае...“

Въ первыхъ-же своихъ произведеніяхъ, которыя, какъ мы сказали уже, заронились въ сознаніи Шевченка на зарѣ его освобожденія, онъ съ особенной любовью и вниманіемъ останавливается на тѣхъ вспышкахъ народнаго гнѣва, которыя, при всей ихъ дикости, говорили о томъ, что и подъ вѣковымъ гнетомъ рабства и безправія все-же оставалась жива, душа казацкая; что подавленный

и приниженный казакъ все-же оставался свободнымъ, независимымъ и гордымъ, потому что въ глубинѣ своего сердца онъ чувствовалъ, „що небо достане, колы полетѣть.“ И вотъ поэтъ, только что почувствовавшій въ себѣ великую творческую силу, вдохновляется отдаленнымъ прошлымъ своего народа и воспѣваетъ героевъ казачества XVI-го и XVII вѣковъ.

Було колысь—въ Украини
Ревилы гарматы;
Було колысь—Запорожци
Вмилы пануваты...

Такъ начинается поэтъ одну изъ первыхъ-же своихъ поэмъ и вслѣдъ за этимъ вводитъ насъ съ свою историческую портретную галерею. Здѣсь мы встрѣчаемся съ авантюристомъ XVI вѣка Иваномъ Подковой, который, выдавая себя за брата молдаванскаго господаря, ведетъ запорожцевъ въ „гости“ къ турецкому султану въ Цареградъ. Напоминаетъ намъ поэтъ о Наливайкѣ и о Тарасѣ Трясилѣ, которые оставили по себѣ въ исторіи кровавые слѣды грозною мстью ляхамъ за „бѣдную, ими стоптанную Украину,“ о „завязатомъ атаманѣ Гамалинѣ“ и о многихъ другихъ герояхъ казацкой вольности.

Вспоминая этихъ „лицырей“, эти моменты душевнаго подъема, Шевченко надѣялся, что, можетъ быть, на этихъ картинахъ, полныхъ оживленія и страсти, „хочь трохи спочыне“ его сердце, утом-

ленное болью за печальную судьбу южно-русскаго народа. Но сердце „спочыть“ не могло:—каждый разъ сила, въ концѣ концовъ, оказывалась не на сторонѣ казацкой удали, и въ окончательномъ итогѣ всѣхъ этихъ народныхъ возмущеній широкая степь Украины покрывалась все новыми памятниками непосильной борьбы—могилами.

Высокіи ти могили
Чорніють, якъ горы,
Та про волю нышкомъ въ поли
Зъ витрами говорять.

И чѣмъ болѣе накоплялось въ степи этихъ могилъ, тѣмъ болѣе „нышкомъ“ могли онѣ говорить съ вѣтромъ про волю, потому что къ началу XVIII-го вѣка воля была уже окончательно упразднена въ Малороссіи. Богатая и вліятельная шляхта, а за ней и казацкая старшина, къ этому времени успѣли прибрать къ цѣлкимъ рукамъ своимъ и роскошныя земли Украины, и лѣса, и рѣки и даже свободу человѣка. Войско казацкое таяло быстро, какъ вѣшній снѣгъ; казаки исчезали цѣлыми массами, поражая современниковъ таинственностью своего исчезновенія. Казалось, какъ-будто страшное моровое повѣтріе овладѣло Украиной, и смерть частыми взмахами гигантской косы своей направо и налево рубить вокругъ себя буйныя казацкія головы. Но повѣтрія не было, и не смерть разстраивала сильные когда-то ряды казачества,—оно исчезало и таяло, загоняемое нуждою и ца-

рящимъ вокругъ произволомъ въ имѣнія богатыхъ хищниковъ, которые умѣли чарами своего богатства, своего вліянія и своей политической силы превращать вчерашняго вольнаго козака въ сегодняшняго холопа. Страшное это было время! Въ помѣстьяхъ богатыхъ пановъ томились въ неволѣ люди, вчера еще не чувствовавшіе никакихъ путей на ногахъ своихъ. Неудивительно поэтому, что люди простого стана, „умиравшіе— по словамъ современника— съ голода въ благо- словенной плодородіемъ странѣ“, не мирились съ этимъ положеніемъ и почти безъ перерыва, подъ общимъ именемъ *гайдамаковъ*, въ теченіе десяти- лѣтій смущали налаженный силою порядокъ потоками проливавшейся ими шляхетской, еврейской и, конечно, своей собственной крови. Но гайдамацкія вспышки, несмотря на всю ихъ бурную страстность, не различавшую въ стихійномъ теченіи мстительнаго чувства ни пола, ни возраста, производили мало впечатлѣнія; онѣ были слишкомъ обособлены, слишкомъ приурочены каждый разъ къ опредѣленному району, чтобы государство могло имъ придавать серьезное значеніе. Гайдамаковъ вѣшали, сажали на колъ, четвертовали, а потомъ для острастки рассылали отдѣльныя части тѣла по городамъ и мѣстечкамъ, гдѣ на поляхъ и выставляли ихъ на всенародное позорище, и только. О томъ, что эти частныя проявленія народнаго негодованія являлись симптомомъ общаго настроенія народныхъ массъ, шло, повидимому, и не

думалъ. А между тѣмъ дѣло было именно такъ. Достаточно было самаго ничтожнаго повода, чтобы отдѣльныя искры частныя мятежныхъ вспышекъ гайдамачины разрослись въ широкій костеръ, яркимъ пламенемъ освѣтившій всю Малороссію, а затѣмъ, въ видѣ пугачевщины, и всю Россію...

Но здѣсь, наполнивъ нѣсколькими словами промежутокъ, отдѣляющій исторію казацкихъ движеній XVII вѣка отъ колывщины 1768 г., мы предоставимъ слово самому Шевченку, тѣмъ болѣе что на его поэму „Гайдамаки“, возсоздающую эту послѣднюю вспышку казацкаго свободолюбія, ссылались до послѣдняго времени даже историки этой эпохи. „Разсказъ его (Шевченка)—говорить Д. Л. Мордовцевъ, авторъ „Гайдамачины“ *)—становится историческимъ документомъ. Онъ является такимъ при сличеніи его съ опубликованными впоследствіи официальными документами и хрониками того времени. При томъ-же все то, что сказалъ Шевченко въ своей поэмѣ объ уманской рѣзні, не прочтатъ до этого ничего печатнаго, положительно подтверждается документами, изданными послѣ выхода въ свѣтъ его поэмы и не противорѣчитъ имъ“.

Правда, историческая критика нашего времени подвергла сомнѣнію нѣкоторыя частности нарисованной поэтомъ картины. Она отнеслась

*) См. „Гайдамачина. Историч. монографія Д. Мордовцева“. СПб. 1885 г., стр. 147.

скептически, напимѣрь, къ трагическому эпизоду убійства Гонтою своихъ сыновей,—эпизоду, не нашедшему подтвержденія въ документахъ. Но и за всѣмъ тѣмъ „Гайдамаки“ Шевченка остаются незабвеннымъ памятнымъ изображенной въ нихъ эпохи, ея быта, ея настроеній и порывовъ.

Часть конфедератовъ (барскихъ), сошедшихся во имя освобожденія Польши отъ русскаго влїанія, вломила въ корчму еврея, глумясь надъ нимъ и требуя отъ него денегъ. Еврей, который, кстати сказать, стоялъ по „правамъ“ того времени (мы не смѣемъ сказать—по праву), хотя и ниже шляхты, но, юридически и фактически, головой выше „гололы“, въ которую превратилась въ то время почти вся казацкая вольница, не даетъ конфедератамъ собственныхъ „грошей“, но спасая свою шкуру, шепчетъ имъ что въ Вилшанѣ,

„У костели... у тытаря..
А дочко Оксана!
Ховай, Боже! якъ панночка!
Що-то за хороше!
А червинцивъ! хочь не его,
Такъ що?—абы грошы“...

У тытаря (квитора) конфедераты („бодай не дывытись, бодай не казаты!“), опьяненные еврейскимъ виномъ, дошли до неистовства: цѣлымъ рядомъ пытокъ (побоями, горячей смолой, угольями) они старались дознаться „де грошы“. Старикъ не выдержалъ пытокъ,—онъ умеръ, и это, по су-

ществу своему случайное, происшествіе послужило для раздраженнаго народа сигналомъ общей кровавой рѣзни.

Чуть-чуть что ни цѣлое столѣтіе отдѣляетъ Шевченка отъ этой рѣзни, но, описывая ее, поэтъ не можетъ не стать на сторону порабожденнаго и теперь поголовно возставшаго казачества. Рѣчь его пишеть страстью и гнѣвомъ, и весь онъ на сторонѣ вынужденной кровавой расправы. Вотъ, напимѣрь, какъ передаетъ онъ слово священника, благославляющаго гайдамаковъ на страшный подвигъ:

„Пожаръ не гасне, люде мрутъ,
Канають въ тюрьмахъ, голи, боси...
Диты нехрещени ростуть,
Козацьки диты; а дивчата!...
Земли козацькою краса,
У ляха вяне, якъ першъ маты,
И непокрытая коса
Стыдомъ сичеться; кари очи
Въ неволи гаснуть; росковать
Козакъ сестру свою не хоче,
Самъ не соромытсья канать
Въ ярми у ляха... Горе, горе!
Молитесь диты страшный судъ
Ляхы въ Украину несуть—
И зарыдають чорни горы!...“

Вы видите, что все сочувствіе Шевченка на сторонѣ этого страстнаго воззванія къ борьбѣ, въ

которой приняло участие теперь все населеніе. Въ селахъ Украины остались—

Диты та собаки;—
Жинкы навить зъ рогачами
Пишли въ гайдамакы.

Возсталъ народъ, и, какъ истинный сынъ его, Шевченко съ громаднымъ интересомъ и сочувствіемъ, слѣдитъ за веѣми подробностями борьбы, въ которой уже нѣтъ пощады ни мужчинѣ, ни женщинѣ, ни слабому, ни малому.

Стогнуть, плачуть; одинъ просить
Другый проклинае;
Той молиться, сповидае
Грихы передъ братомъ,
Уже вбытымъ. Не мылуютъ,
Карають завзяти.
Якъ смерть люта, не вважають
На лита, на вроду:
Шляхтяночки й жыдивочки
Тече кровъ у воду.
Ни калика, а ни старый,
Ни мала дитына
Не остались,—не вблагалы
Лыхой годины...

Останавливаясь на фигурахъ двухъ главныхъ дѣятелей коливщины — Максимѣ Желѣзнякѣ (Зализнякѣ) и Гонтѣ, Шевченко весь этотъ страшный пожаръ, воспламенившій Украину, образно

рисуетъ какъ слѣдствіе того, что Гонта съ Зализнякомъ „люльки закурылы—страшно, страшно закурылы! И въ пекли не вміють оттакъ курить“.

Желѣзнякъ былъ душою и коноводомъ возстанія. Поступивъ въ монастырь и готовясь принять уже иноческій чинъ, онъ всей своей страстной душой откликнулся на возникшее помимо него народное движеніе и тотчасъ-же сталъ во главѣ возстанія. Гонта, не менѣе Желѣзняка популярный главарь коливщины, былъ человекомъ иного склада. Выдающійся по своему образованію, онъ занималъ видное положеніе даже среди польскаго шляхетства, но въ критическую минуту измѣнилъ этому послѣднему и всей силой своей огромной воли отдался народному движенію. Со словъ современниковъ возстанія Шевченко передаетъ глубоко драматическую картину убіенія Гонтою своихъ сыновей, обращенныхъ матерью въ католичество и учившихся въ базилианской школѣ, въ Умани. И если она не нашла подтвержденія въ историческихъ изысканіяхъ, то поэтическія ея достоинства вполне оправдываютъ ее. „Мои диты католикы!“—говоритъ Гонта, обращаясь въ Умани къ гайдамакамъ послѣ того, какъ захваченный съ его сыновьями ксендзъ съ злорадствомъ подчеркнул католичество своихъ воспитанниковъ:

„Мои диты католикы...
Щобъ не було зрады,
Щобъ не було поговору,

Панове громада...
Я присягавъ, бравъ свяченый
Ризать католька“...

Зволнованный предстоящимъ ему страшнымъ дѣломъ, Гонта не договариваетъ своей рѣчи къ собравшейся громадѣ. Онъ обращается къ дѣтямъ со словами, въ которыхъ чувствуется напряженная борьба между любовью къ нимъ и сознаниемъ долга.

„Поцилуйте мене, диты,
Бо я не я вбываю,
А присяга“...
Махнувъ ножемъ—
И дитей не мае!

Принеся эту кровавую жертву дѣлу народной борьбы, Гонта, вмѣстѣ съ Желѣзнякомъ, „пишли вдовжь базару и обидва закрычали: „кары ляхамъ, кары!“

И каралы: страшно-страшно
Умань запылала.

Только поздно ночью, когда опьяненные успехомъ своего жестокаго дѣла, въ которомъ въ теченіе сутокъ съ небольшимъ погибло до 20.000 чело-вѣкъ, гайдамаки стали пировать, Гонта могъ свободно отдаться своему отцовскому чувству. Розыскавъ своихъ дѣтей между грудями убитыхъ, онъ, крадучись, вынесъ ихъ за городъ и похоронилъ. „Сыны мои, сыны мои!“ — горько плакалъ Гонта:

„На ту Украину
Подывиться: вы за нею
Й я за нею сыну

Смѣлой кистью набросана эта удивительно яркая и сильная картина народнаго возстанія, причемъ поэтъ какъ удостовѣряетъ знатокъ этой эпохи профессоръ Антоновичъ, прекрасно понялъ взаимныя отношенія трехъ дѣйствовавшихъ въ то время на исторической аренѣ группъ населенія—крестьянства, шляхетства и евреевъ. Дворянство представлено въ поэмѣ всеильнымъ сословіемъ, не умѣющимъ полагать ограниченія своей власти, свевольнымъ, не уважающимъ личности. Евреи кланяются шляхтѣ, но презираютъ ее съ полной увѣренностью, что они умнѣе. Крестьянскій типъ лучше всего отгѣненъ авторомъ, какъ родной, на сторонѣ котораго была поруганная правда.

Вполнѣ понятно и законно то святое чувство гнѣва, которое заставило поэта отдать все свои симпатіи, всю свою пламенную любовь возмущившемуся противъ рабскаго гнета народу. Но это глубокое проникновеніе народнымъ настроеніемъ не закрываетъ ему глаза на ужасъ, который, во всякомъ случаѣ, должна внушать наблюдателю братоубійственная война. „Оттаке-то—говорить онъ—було лыхо по всій Украины!—гирше пекла!... А за вищо?

За що люде гнуть?
Того-жь батька, таки-жь диты,—

Жыты-бѣ та брататься,
Ни, не вмилы, не хотилы,
Треба розѣднаться!
Треба крови, брата крови,
Бо задро, що въ брата
Йе въ комори и на двори,
И весело въ хати!

Но вотъ кончилась и эта послѣдняя вспышка малорусскаго народа, и степь, точно также какъ и послѣ прежнихъ освободительныхъ войнъ казачества, засинѣла множествомъ новыхъ высокихъ могилъ...

Та що съ того, що высоки?

съ грустью спрашиваетъ поэтъ, замѣчая, какъ слава казацкая, память погибшихъ героевъ, постепенно забывается въ народѣ. Никто ни плачетъ теперь надъ этими курганами, въ которыхъ покоятся кости погибшихъ борцовъ, и только вѣтеръ тихонько повѣетъ надъ ними, да роса раннимъ утромъ омоетъ ихъ мелкими слезами.

Посіялы гайдамакы
Въ Украини жыто,
Та не воны его жалы,
Що мусымъ робыты?
Нема правды, не выросла,
Кривда повивае
Розійшыся гайдамакы,
Куды який знае...

А тымъ часомъ стародавню
Сичь разруйновали:
Хто на Кубань, хто за Дунай;
Тилько и остались,
Що порогъ середъ степу,
Ревуть, завывають:
„Поховали дитей нашихъ,
И насъ розрываютъ“.
Ревуть соби й ревитымутъ—
Ихъ люде минулы;
А Украина на вики,
На вики заснула.

Все замолкло—говоритъ поэтъ дальше и смиренно прибавляетъ при этомъ: „нехай мовчѣть:—така Божа воля“.

Въ характерѣ Шевченка было, однако, слишкомъ много жизнѣдѣтельности и энергій, чтобы онъ могъ дѣйствительно примириться съ этимъ мертвымъ безнадежнымъ молчаніемъ родной Украины. Нѣтъ, вся дальнѣйшая поэтическая дѣятельность Шевченка противорѣчитъ этому смиренному восклицанію, вырвавшемуся подъ вліяніемъ случайнаго настроенія и даже несогласному съ характеромъ всей поэмы, которую оно завершаетъ: „Нехай не мовчѣть Украина! „Пусть о тяжелыхъ мукахъ ея во имя свободы заговорятъ языкомъ страсти и гнѣва даже эти многочисленныя высокія могилы, въ которыхъ похоронена казацкая воля! И поэтъ много разъ потомъ возвращается

мыслью къ „начиненнымъ благороднымъ трупомъ“ могиламъ; онъ вскрываетъ ихъ и показываетъ, какъ снить, какъ-будто сповитая, воля „въ-куни съ козаками“.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ стихотвореній поэтъ рассказываетъ сонъ.—Снится ему, что онъ, еще малый ребенокъ, пасеть ягнятъ у высокой могилы; но вотъ могила раскрывается, и вышедшій оттуда старый казакъ подводитъ его къ краю ея. Смотри—говорить ему старикъ—здѣсь все казаки. „На всѣй Украины высоки могилы; дывыся, дытыно, уси ти могилы—уси оттаки.

Уси мы однако на воли жылы;
Уси мы однако за волю ляглы;
Уси мы и встанемъ; та Богъ его знае;
Колы то те буде“.

Опасенія, какъ-бы не замолкла Украина, какъ-бы не „полягла“ ея слава, купленная цѣною крови ея дѣтей, заставляютъ Шевченка не только самого возвращаться къ этой больной темѣ, но просить о томъ-же и другихъ. Въ этомъ смыслѣ большой интересъ представляетъ его воззваніе къ современному ему малороссійскому писателю Квиткѣ-Основьяненкѣ, котораго онъ трогательными словами уговариваетъ почаще касаться родныхъ мотивовъ. „Тебе люде поважають“—пишетъ Шевченко Квиткѣ: ты „добрый голосъ маешъ“, такъ,

Спивай-же имъ, мій голубе,
Про Сичъ, про могилы,
Колы яку наемцалы;
Кого положылы;
Про старину, про те дыво,
Що було, минуло...
Утны, батьку, щобъ нехотя
На весь свить почулы,
Що діялось въ Украини,
За що погигала,
За що слава козацкая
На всимъ свити стала!

Въ извѣстномъ „Дружнѣемъ посланіи до мертвыхъ и живыхъ и ненарожденныхъ землякивъ, въ Украини и не въ Украини сущіхъ“, Шевченко снова возвращается къ той-же мысли. „У насъ—говорить онъ—воля выросала, Днѣпромъ и кровью умывалась, спала она на казацкихъ трупахъ“.

Подывитесь лышень добре,
Прочытайте знову
Тую славу, та чытайте
Одъ слова до слова;
Не мынайте а ни тытлы,
Ниже тыи комы;
Все розберить, та й спытайте
Тоди соби: що мы?
Чи сыны? якыхъ батькивъ?

Вы видите, что въ этомъ посланіи, написан-

номъ поэтому въ 1845 г., т. е. послѣ вторичной побѣдки на родину, когда міровоззрѣніе его значительно расширилось и мысль его усиленно работала надъ основными вопросами современной ему дѣйствительности, Шевченко такъ страстно дорожить минувшей „славой“ по очень определеннымъ причинамъ. Воспоминанія о героическихъ моментахъ прошедшей жизни Малороссіи прельщаютъ его теперь не тѣмъ, что на нихъ можетъ отдохнуть наболѣвшее сердце, какъ онъ мечталъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Нѣтъ, твердое знаніе вообще исторической жизни родины, а героическихъ ея моментовъ въ особенности, необходимо для того, чтобы опредѣлить свое отношеніе къ современной дѣйствительности; это знаніе необходимо для того,

Щобъ несоннымъ snyлысь
Вси неправды, щобъ раскрылысь
Высоки могылы
Передъ вашымы очыма,
Щобъ вы роспыталы
Мученькывъ: кого, колы
Й за що роспыналы?...

Это знаніе поэту казалось тѣмъ болѣе настоятельнымъ, что теперь, послѣ въковой борьбы и мученичества,

Доборолась Украина
До самого краю.

Гирше ката свои диты
Ия роспынають...

По глубокому убѣжденію Шевченка, дальне тѣхъ крайностей, до которыхъ въ его время дошло крѣпостничество, идти было некуда. Необходимо чтобъ рабовладѣльцы немедленно-же и круто, и притомъ по доброй своей волѣ, порвали ненавистное народу ярмо, потому что иначе народъ самъ, какъ это было не разъ въ исторіи Малороссіи, возьмется за ножъ, чтобы собственными средствами возвратить себѣ поправныя человѣческія права. Не шутите съ исторіей, которую хорошо помнитъ южно-русскій народъ, говорилъ поэтъ, обращаясь къ панамъ: знайте, что казацкіе идеалы свободы и равноправности живы въ народѣ.

Схаменыться! будьте люде,
Бо лихо вамъ буде:
Розкуються незабаромъ
Заковани люде;
Настане судъ, заговорять
И Днипро, и горы,
И потече сторикамы
Кровь у сыне море
Дитей вашыхъ; и не буде
Кому помогаты,—
Одцурається братъ брата
И дытыны маты,
И дымъ хмарою заступыть
Сонце передъ вами,

И на-вики проклянетесь
Своими сынами!

Никто до Шевченка не говорилъ такимъ пламеннымъ языкомъ; никто до него не проникалъ такъ глубоко въ самое святое-святыхъ южно-русской души. Шевченко со своими произведениями явился для современниковъ—какъ передаетъ свои личные впечатлѣнія Кулишъ—„какимъ-то откровениемъ свыше... Сіяніе духа Шевченковыхъ произведенийъ было чѣмъ-то сверхъестественнымъ... Это былъ уже не кобзарь, а національный пророкъ“.

Въ сознаніи самого поэта происходила такая же переоцѣнка значенія его поэзіи. Въ началѣ своей поэтической карьеры поэтъ считалъ бы себя удовлетвореннымъ только одной слезой, пролитой надъ его стихами изъ дѣвичьихъ карихъ глазъ. Въ концѣ своего поприща онъ подчеркиваетъ большое общественное значеніе своей музыки. Въ первой же написанной послѣ освобожденія отъ солдатчины поэмѣ („Неофиты“), поэтъ выражаетъ увѣренность, что его пѣсня переплываетъ рѣку забвенія

И огнемъ слизою
Упаде колысь на земле
И прычтою стане
Распынателямъ народнымъ,
Грядущимъ tyrанамъ.

Противорѣчія, какія Шевченко замѣчаетъ въ

современномъ ему общественномъ строѣ, становятся постоянной темой его стихотвореній. Богачи, покупающіе молодую силу казака и разлучающіе его съ любимой дѣвушкой, которую во время его вынужденнаго отсутствія родители насильно могутъ выдать замужъ за другого („Хустина“); бѣдный батракъ, надъ которымъ измывается еврей-корчмарь, дающій ему сразу десятки порученій и съ ругательствомъ заставляющій его снѣшить исполнить ихъ („Гайдамаки“), погубленная солдатомъ малорусская дѣвушка („Катерина“), трогательная судьба которой вырываетъ изъ устъ поэта наивное обращеніе къ землячкамъ:

Кохайітеся, чернобрыви,
Та не зъ москалями,
Бо москалі—чужи люде,
Роблять лыхо съ вами...

Даетъ поэтъ нѣсколько иллюстрацій, характеризующихъ злополучную судьбу незаконнорожденныхъ и особенно ихъ матерей—„покрытокъ“, которыхъ ничто не спасаетъ отъ позора.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ опозоренная помѣщикомъ дѣвушка („Видьма“) своею святою жизнью, отданною страждущимъ, искупила невольный грѣхъ; много сама она перемучилась и перестрадала изъ-за своего несчастнаго увлеченія, но...

Люде горди, неправедни,
Своимъ судомъ судять.

Подвиги ея милосердія, проявленія ея самопожертвованія—у всѣхъ передъ глазами; ее любили и знали,

А все такы покрыткою
И видьмою звалы.

Тому-же вопросу о злосчастной судьбѣ матери-дѣвушки посвящена большая поэма „Наймычка“ и много другихъ стихотвореній, которыя увѣнчиваются трогательнымъ образомъ невѣнчанной Матери великаго Христа („Марія“).

Изъ всѣхъ социальныхъ противорѣчій больше всего однако возмущаетъ поэта крѣпостное право, ужасы котораго у него постоянно передъ глазами. Къ крѣпостному праву онъ то и дѣло возвращается и не устаётъ клеймить его, потому что

Де нема святой воли,
Не буде тамъ добра николя.

„Если-бы—говорить онъ—разсказать истинную правду о какомъ-нибудь одномъ магнатѣ, то самый адъ можно-бы привести въ ужасъ, а старика—Дантэ можно привести въ изумленіе однимъ нашимъ „полупанкомъ“. „На праведній Твои земли—взываетъ Шевченко къ Богу, вспоминая нѣсколько эпизодовъ, характеризующихъ крѣпостничество:—

Мы въ рай пекло развезлы,
А въ Тебе другого благаемъ!

Сила, съ какою Шевченко бичевалъ крѣпостничество, касаясь всѣхъ сторонъ безправной жизни

крѣпостныхъ, количество посвященныхъ этой ужасной болячкѣ нашего государственнаго организма стихотвореній, ставятъ украинскаго поэта въ ряды наиболѣе энергичныхъ и передовыхъ дѣятелей дореформеннаго періода, дружными усилиями которыхъ подготовленъ былъ знаменательный для Россіи день—19 февраля 1861 года.

Сравнивая неустанныя обличенія крѣпостнаго права, какія принадлежатъ украинскому поэту съ тѣми, что за тѣ-же годы (1845—1855) произвелъ Некрасовъ, извѣстный историкъ крестьянскаго вопроса В. И. Семевскій говоритъ, что Шевченку надо отдать преимущество „и по количеству и по качеству произведеній, затрагивающихъ крестьянскій вопросъ“.

Конечно, эта частная параллель между Некрасовымъ и Шевченкомъ отнюдь не можетъ умалять значенія великорусскаго поэта даже въ его борьбѣ съ крѣпостнымъ режимомъ. Не надо забывать, что въ Великороссіи крѣпостное право, имѣвшее за собою почти двухвѣковую давность, приобрѣло устойчивость прочно сложившагося быта, тогда какъ правобережная Украина хранила еще живую память о своей волѣ. Малорусская поэзія и до Шевченка не мирилась съ крѣпостнымъ правомъ, какъ новымъ и чуждымъ для страны институтомъ, и горячо протестовала противъ него. Шевченко, такимъ образомъ, только продолжалъ здѣсь традиціи малорусской литературы. Великорусскіе поэты и писатели дѣлали въ этомъ направленіи первые

самостоятельные шаги. Кроме того великорусские писатели, — люди дворянского происхождения, — приходили къ этой борьбѣ съ рабствомъ, которое они видѣли, но не переживали, путемъ „Ганибалловой клятвы“, тогда какъ малорусскій поэтъ самъ былъ жертвою крѣпостного режима. Вчерашній рабъ, Шевченко слишкомъ остро и глубоко почувствовалъ весь ужасъ крѣпостного режима, чтобы онъ могъ молчать о немъ. Къ тому же, сынъ угнетенной народности, онъ понималъ свободу шире простого освобожденія крестьянъ отъ власти помещиковъ. вмѣстѣ съ цѣпями крѣпостными онъ ненавидѣлъ и все другія цѣпи социальнаго и политическаго происхожденія. Въ своихъ политическихъ поэмахъ, каковы „Сонъ“, „Иванъ Гусъ“, „Кавказъ“, поэтъ съ такою опредѣленностью защищаетъ свое социально-политическое *credo*, что здѣсь его демократическіе идеалы не нуждаются ни въ какихъ разъясненіяхъ. Прочно укрѣпившись корнями своими въ родной почвѣ народнаго умя настроенія и міросозерцанія, Шевченко вершиною своей мысли упирается въ тѣ идеологическія высоты, какихъ въ его время достигло социально-политическое творчество лучшихъ, культурнѣйшихъ умовъ Россіи.

Не даромъ, стало-быть, малорусскій народъ характеризуетъ своего любимаго поэта простыми словами: „это тотъ, кто про волю пишетъ“.

II.

Поэтическое изображеніе общечеловѣческихъ настроеній.— Простота и сила стиховъ Шевченка.— Декоративныя украшенія.— Грусть и гнѣвъ, какъ основные мотивы музыки Шевченка.— Лирическія отступленія.— Любовь къ родинѣ.— Сліяніе содержанія съ формой.

Въ той-же поэмѣ, въ которой могучей волной вѣбнётся и кипитъ возмущенное невыносимымъ гнетомъ чувство малорусскаго народа, Шевченко рисуетъ и мирныя картины деревенской жизни. Въ трагедію народной мести вкрапленъ романъ двухъ любящихъ сердець.

Ярема и Оксана любятъ другъ-друга. Но Ярема—простой батракъ, который только сейчасъ почувствовалъ за плечами своими мощныя крылья гайдамацкаго героя, а Оксана—деревенская аристократка—титаривна. Это разстояніе, отдѣляющее „жидивскаго попыхача“ отъ титаривны, представляется Яремѣ непроходимой бездною и даетъ ему поводъ не совсѣмъ довѣрять чувствамъ своей возлюбленной, которая, замѣшкавшись возлѣ прихворнувшаго отца, опаздываетъ на свиданіе. Въ тщетномъ ожиданіи Оксаны бродитъ огорченный Ярема по долинѣ, не обращая вниманія ни на роскошь южнаго вечера, ни на трели соловья.

„На що мени врода,
Колы нема доли, нема талану?
Лита молодый марно пропадутъ.
Одынъ я на свити, безъ роду, безъ доли
Стеблына-былына на чужому поли;
Стеблыну-былыну витры рознесуть,
Такъ и мене люде не знаютъ де диты.
За що-жь одцуралась?—що я сирота.
Одно було сердце, одно на всемъ свити,
Одна душа щира, та, бачу, що й та,
Що й та одцуралась“...

Пока Ярема, воображая себя навсегда покинутымъ и одинокимъ, предается своимъ грустнымъ размышлениямъ,

Шелестъ!... колы глянє:
По-пидъ гаємъ, мовъ ласочка,
Крадеться Оксана,
Забувъ... Побигъ... Обнялыся...
„Серце!“—та й зомлилы.
Довго, довго тилько—„серце!“
Та й знову нимилы...

Бесѣда влюбленной парочки очень несложна, но въ ней чувствуется искренний непосредственный голосъ сердца, облеченный въ музыку звучаго стиха. Къ тому-же поэтъ, какъ-бы оберегая и героя и героиню своего романа отъ нескромнаго слуха посторонняго наблюдателя, не особенно щедро рассказываетъ подробности свиданія, кото-

рое было для влюбленныхъ послѣднимъ передъ долгой разлукой. Онъ предпочитаетъ, чтобы влюбленные разошлись такъ-же, какъ и сошлись—

Тыхесенько, гарнесенько,
Щобъ никто не бачывъ—
Ни дивочи дрибни слезы,
Ни щирі козачи.

Но при всей осторожной скромности поэта читатель невольно и сразу принимается настроеніемъ его героевъ. Происходитъ какое-то волшебное слияніе душъ—чудо, которое поэтъ совершаетъ передъ вашими глазами при помощи очень простыхъ приемовъ.

Вотъ онъ вводитъ васъ въ разговоръ влюбленныхъ:

„Серце мое, доле моя!
„Соколе мій мылий!
„Мій...“

Такими ласкательными именами закидываетъ Оксана Ярему; тотъ отвѣчаетъ ей, вѣроятно, не менѣе ласковыми, но и не менѣе обычными восклицаніями. Дѣло житейское, всемъ намъ извѣстное. Впрочемъ, мы даже и не знаемъ точно, что именно отвѣчаетъ Оксанѣ Ярема, такъ какъ поэтъ круто обрываетъ разговоръ влюбленныхъ и неожиданно заканчиваетъ сцену такими словами:

.....Ажъ вербы нагналысь
Слухать таку мову.
Отто мова!

Шепотъ любви—это таинственный голосъ природы, и, призвавъ на помощь природу, поэтъ двумя словами не только характеризовалъ намъ настроеніе своихъ героевъ, но и насъ самихъ заразить этимъ настроеніемъ.

„Вербы нагынались!“ Природа поддалась обаянію чарующей силы непосредственнаго чувства, о которомъ вдали отъ людей шепчуть чистыя любящія сердца.

Съ тою-же сердечною простотою, которая совершенно подчиняетъ читателя настроенію поэта и его героевъ, изображаетъ Шевченко и всѣ другія элементарныя движенія, если такъ можно выразиться, общечеловѣческой души.

Ярема пошелъ въ гайдамаки, а въ это время конфедераты убили титаря и увели съ собой Оксану, соблазвившись ея красотой и молодостью. Наши герои разлучены, и вотъ какъ выражаетъ каждый изъ нихъ свое горе.

Оксана, вырванная изъ рукъ ляховъ, которые, конечно, успѣли надругаться надъ ней, пробуждается, послѣ нѣсколькихъ дней безсознательнаго состоянія, въ домѣ старухи, гдѣ ее на время пріютили. Оксана рассказываетъ старухѣ о себѣ и о своихъ несчастяхъ:

Я сирота зъ Вильшаной,
Сирота, бабуся.
Батька ляхы замучылы,
А мене... боюся,

Боюсь згадать, моя сыза...
Узялы съ собою.
Не роспытуй, бабусенько,
Що було во мною...

Сколько горя, робкаго, женскаго горя, сколько приниженой стыдливости чувствуется въ этихъ немногихъ поэтическихъ строкахъ,—въ этихъ ласкательныхъ названіяхъ („бабусенька“, „моя сыза“), обращенныхъ къ совершенно незнакомой старухѣ,—въ этой просьбѣ не разспрашивать про ея позоръ!...

Совѣмъ въ инныя формы вылилось горе въ душѣ Яремы, когда онъ узналъ о похищеніи Оксаны. Мстительное чувство за поруганную свободу, которое заставило его разлучиться съ Оксаной и толкнуло въ ряды гайдамаковъ, теперь вспыхиваетъ въ немъ яркимъ пламенемъ безумнаго ожесточенія. Онъ молчитъ о своемъ личномъ горѣ, скрывая его отъ постороннихъ, и творитъ лютую казнь надъ врагами.

Улицы и базары покрываются трупами; уставшіе гайдамаки мечтаютъ объ отдыхѣ, но Ярема неутомимъ въ своей злобѣ:

„Мало клятымъ кары!
Ще разъ треба перемучить,
Щобъ не повставалы
Нехрещени, кляти души!“

И только на прямой вопросъ, поставленный

атаманомъ, Ярема въ двухъ словахъ передаетъ такъ печально закончившуюся исторію своей любви. Но тутъ-же онъ добавляетъ, обращаясь къ атаману:

.....„Батьку! брате!
Чомъ я не сторукий?
Дайте ножа, дайте сылу,
Муки ляхамъ, муки!
Муки страшнои, щобъ некло
Тряслося та млило.“

Простое, „немудрое“ слово, какимъ Шевченко пользуется для передачи простыхъ, „немудрыхъ“—же человѣческихъ настроеній, чувствъ и страстей, находится, несомнѣнно, въ тѣсной связи и съ тѣми простыми, „немудрыми“, декоративными украшениями, которыя поэтъ заимствуетъ у небогатой красочными эффектами мягкой южно-русской природы.

Синее море, широкій Днѣпръ, степь, могилы, калина, тополь, яворъ, верба, барвинокъ—вотъ и вся почти декоративная обстановка, въ которой живутъ и дѣйствуютъ герои Шевченка. И надо было любить человѣка такъ, какъ любилъ его Шевченко, надо было понимать природу такъ, какъ онъ понималъ ее, чтобы съ такими внѣшними данными сумѣть овладѣть сердцемъ читателя до полного подчиненія его своему настроенію.

Собственно говоря, Шевченко нигдѣ не даетъ самостоятельныхъ картинъ природы, не рисуетъ

пейзажей. Природа для него не пейзажъ, а естественная среда, въ которой живетъ и съ которой сливается человѣкъ. Онъ, какъ кобзарь, какъ „Перебендя“, не только чувствуетъ природу, но понимаетъ ее. Наединѣ съ природой онъ вступаетъ съ нею въ интимную бесѣду, и чуткому слуху поэта понятны все ея голоса, потому что природа говоритъ съ нимъ тѣмъ же языкомъ непосредственнаго чувства, тѣми же „Божьими словами“, какими и самъ поэтъ выражаетъ въ пѣняхъ свои настроенія. Поэтъ пользуется внѣшней обстановкой, главнымъ образомъ, для того лишь, чтобы при ея помощи яснѣе опредѣлить душевное состояніе человѣка, свое собственное или своихъ героев. Широкий Днѣпръ реветъ и стонетъ, когда на крутомъ берегу его происходитъ послѣднее дѣйствіе сердечной драмы („Прычинна“), но онъ-же, при другомъ настроеніи поэта, легко принимаетъ и иной видъ. Посмотрите, напримѣръ, какъ онъ

Неначе въ молоци дитына,
Красується, любується
На всю Украину

Червона калына, тополя, яворъ и проч. играютъ такую-же вспомогательную роль въ произведеніяхъ поэта; если-же онъ изрѣдка и даетъ отдѣльныя, какъ будто-бы совершенно самостоятельныя картинки природы, то и эти послѣднія каждый разъ можно вполне опредѣленно и точно приурочить

не только къ извѣстному душевному состоянію поэта, но часто даже къ извѣстному случаю, вызвавшему это состояніе.

Трагическая судьба поэта, и печальная исторія горячо любимой имъ родины не могли, конечно, внушить ему радостныхъ мотивовъ. Гибель и грусть—вотъ тѣ основныя настроенія музыки, Шевченка, которыя красной нитью проходятъ черезъ всё его произведенія. Но грусть эта, по справедливому замѣчанію Добролюбова, — „спокойная грусть, не похожая ни на безплодную тоску нашихъ романическихъ героевъ, ни на горькое отчаяніе, заливаемое часто разгуломъ“.

Даже въ годы тяжелой неволи, въ долгіе годы вынужденнаго одиночества, даже на самомъ склонѣ своей неудавшейся жизни поэтъ умѣетъ побѣждать тоску, противопоставляя ей свою неизбывную вѣру въ грядущее торжество свободы и правды. Какой глубокой тоской навѣяно, напримеръ, стихотвореніе, написанное поэтомъ въ 1860 г.:

И день иде, и ничь иде...

И, голову схопившы въ руки,

Дывуешся: чому не йде

Апостоль правды и науки?!

И вмѣстѣ съ тѣмъ вы чувствуете, что эта личная тоска тонетъ и растворяется въ покрывающей ее вѣрѣ.

Лирическія стихотворенія поэта почти всё про-

питаны „спокойной“, по выраженію Добролюбова, грустью поэта. Но не удовлетворяясь этимъ, Шевченко, для того чтобы дать волю накопившемуся чувству, дѣлаетъ рядъ отступленій и во всѣхъ своихъ крупныхъ произведеніяхъ, которыя представляютъ изъ себя нѣчто среднее между поэмой и типической малороссійской „думкой“. Эти отступленія очень характерны для украинскаго поэта и являются всегда драгоценными перлами искренняго чувства, вставленными въ золотую оправу основной темы.

Разсказывая о старомъ слѣпомъ кобзарѣ, поющемъ свои лучшія пѣсни въ степи, на могилѣ, удаленной отъ людей, Шевченко прерываетъ разсказъ, чтобы отъ своего имени высказать пѣвцу полное одобреніе.

Описывая трогательную судьбу дѣвушки, не выдержавшей томительной неизвѣстности о своемъ возлюбленномъ, поэтъ выступаетъ съ вопросомъ, — заслужена-ли несчастной жестокая кара?

Чы вынна жь голубка, що голубя любить?

Чы выненъ той голубъ, що сокиля убивъ?..

Злосчастливая исторія покрывки — Катерины опять вызываетъ его на размышленіе:

Оттаке-то на симъ свити

Роблять людямъ люде!

Того вяжуть, того рижуть,

Той самъ себе губить...

А за вищо? Святый знае!

Свить, бачтєся, шырокий,
Та нема де прыхылытєсь
Въ свити одынокымъ...

По поводу горькой доли Яремы въ еврейской
корѣмъ поэтъ снова спѣшитъ вставить свое обоб-
щающее слово:

Лыхо, люде, всюды лыхо.
Нигде прыгорнутєся:
Куды, каже, хылыть доля,
Туды й треба гнутєся,—
Гнутєся мовчки, усмихатєся,
Щобъ люде не знали,
Що на серци заховано...

Такихъ лирическихъ вставокъ въ произведе-
нїяхъ поэта много, и всѣмъ имъ присуща одна
общая черта: въ нихъ отчетливо раскрываются
причины владѣющаго поэтомъ грустнаго настрое-
нїя,—глубокая и дѣятельная любовь къ родинѣ
и страстная жажда помочь ей залечить ея тяжкія
раны. Поэтъ пишетъ „кровью сердца своего“.
„Згадаю що, чи що побачу“, рассказываетъ самъ
онъ о тайнахъ своего творчества:

То такъ утну, що ажъ зайлачу,
И нбы самъ передечу
Хочь на годьну на Украину;
На неи гляну, подивлюсь,
И мовь добро кому зроблю,—
Такъ любю серце одпочине,

Эта исключительная жизнь сердца, эта дѣятель-
ная любовь къ родинѣ такимъ животворнымъ клю-
чемъ бьетъ изъ всѣхъ произведенїй Шевченка,
что мы затрудняемся кого-либо изъ поэтовъ поста-
вить въ этомъ отношенїи съ нимъ рядомъ. Доста-
точно сказать, что его единственная молитва, въ
которой онъ проситъ *за себя лично*, это молитва о
томъ, чтобы не остыло его сердце! Дай мнѣ, Боже,
долю—молить онъ:—если жаль доброй, то дай
злой, самой злой, но только

Не дай спаты ходячому,
Серцемъ замираты
И гнылою колодою
По свиту валатєся...
Страшно впасть у кайданы,
Умирать въ неволи;
А ще гирше—спаты, спаты,
И спаты на воли.

Характеризуя произведенїя Шевченка, мы ста-
рались, по возможности, вездѣ говорить его-же
собственными подлинными словами. Держаться
иной системы было-бы совершенно нецѣлесообразно,
хотя и теперь, конечно, мы очень далеки отъ
того, чтобы нашъ очеркъ могъ дать сколько-ни-
будь удовлетворительное представленїе о произве-
денїяхъ великаго украинскаго поэта.

Характеризовать произведенїя писателя, разби-
рать ихъ—значитъ отвлечь ихъ содержанїе отъ
формы. А въ томъ-то и заключается оригинальная

сила поэтического дарования Шевченка, въ томъ то и счастье для читателя и несчастье для критика, что содержаніе его стиховъ и ихъ форма слиты такой прочной спайкой, разрушить которую невозможно.

Пѣсня Шевченка—это живое трепетаніе его сердца.

Выньте изъ груди сердце, чтобы изучить его трепеть, оно перестанетъ жить, перестанетъ биться. Остается одно:—самому приложить руку къ груди поэта, остается самому читателю взять въ руки „Кобзаря“, и тогда только можно ясно почувствовать, какое тамъ пламенное, какое благородное сердце бьется любовью къ Украинѣ.

Подводя итоги всему сказанному, мы можемъ теперь возстановить образъ славнаго пѣвца Украины въ немногихъ строкахъ.

Изъ Шевченка родные его пытались сдѣлать кахаря—„гречкосія“ и пастуха; помѣщикъ Энгельгардтъ вмѣстѣ со своею челядью предназначилъ ему карьеру повара, а затѣмъ и „казачка“— лакея; „мочеморды“ полтавскіе, какъ потомъ и повопетровскіе, не прочь были превратить его въ бездѣльнаго пьяницу; изъ него въ теченіе десяти лѣтъ старались выкроить усерднаго служаку—фронтоника; наконецъ, вся печальная обстановка, въ которой онъ прожилъ съ дѣтства до могилы, какъ будто-бы специально приноровлена была къ тому, чтобы сломить, принизить его. Но Шевченко мужественно прошелъ черезъ всѣ тяжелыя испытанія; всю жизнь свою, даже съ цѣпями раба на ногахъ, онъ былъ и до послѣдняго момента оставался живымъ, самостоятельнымъ, свободнымъ человекомъ, который во всѣхъ своихъ страданіяхъ сохранялъ самую нѣжную, дѣятельную любовь къ дорогой Украинѣ. „Я такъ ее люблю—писалъ

онъ—я такъ ее люблю, мою родину убогую! за нее душу погублю!“

Ей, Украинѣ, онъ принесъ въ жертву всю свою жизнь, ей отдалъ всё свои помыслы и ей-же своихъ „дитокъ нерозумныхъ“, свою до поразительной простоты правдивую поэзію.

До крайности съуживая свои личныя потребности и желанія, онъ широко раскрылъ сердце свое и мысль свою интересамъ и нуждамъ своей родины. И странно! Какъ ни ограниченны были потребности его личной жизни, онъ тѣмъ не менѣе всегда оставались неудовлетворенными и часто даже сдавленными, безъ всякой возможности какъ-бы то ни было проявить и обнаружить ихъ; здѣсь неудачи и несчастья безжалостно и систематически преслѣдовали его. И въ то же время въ полетѣ своихъ общественныхъ начинаній, въ полетѣ орлиномъ, онъ всегда бытъ безконечно удачливъ. До него мысль объ украинской литературѣ даже лучшимъ людямъ Россіи казалась смѣшной претензіей, и только. И вотъ, пренебрегая этимъ, Шевченко заговорилъ на родномъ языкѣ и силою своего громаднаго дарованія заставилъ вслушиваться въ свою рѣчь и наслаждаться музыкой этой рѣчи даже тѣхъ, кто самъ не умѣлъ владѣть ею. Да что языкъ?! Еще болѣе удивительно было то, что вмѣстѣ съ языкомъ онъ заставилъ насъ полюбить и народъ, о которомъ до Шевченка никто еще не умѣлъ говорить такъ просто такъ задушевно, такъ сильно. И если на великорус-

скихъ людей Шевченко своимъ стихомъ дѣйствовалъ съ потрясающей силой, то на родинѣ онъ творилъ чудеса: тамъ онъ разрушилъ перегородки, отдѣляющія челоуѣка образованнаго, культурнаго, отъ массы населенія и создалъ поэзію, одинаково дорогую, одинаково доступную для всей Украины какъ-бы высоко ни поднимался онъ въ сферу общечеловѣческихъ идеаловъ.

Онъ понятенъ каждому, потому что онъ излагаетъ не мысль свою, которая можетъ быть очень далека отъ голоса чувства и нерѣдко нуждается поэтому для своего выраженія въ изысканно-искусственной формѣ. Рѣчь Шевченка—это непосредственный отзвукъ сильно бьющагося сердца, и какъ стонъ, какъ вздохъ, она правдива и общепонятна. Шевченко не разсуждалъ теоретически о братоубійственной распрѣ, вписавшей въ исторію славянства столько кровавыхъ страницъ; онъ пережилъ и перечувствовалъ ее, и не въ отвлеченныхъ терминахъ ученаго поэтому говорить онъ о ней, а болѣзненнымъ стономъ вырывается изъ груди его мольба, „чтобъ житомъ и пшеницею, какъ золотомъ покрытая, неразмежеванной осталась-бы навѣки отъ моря до моря славянская земля“.

Слава Шевченка, какъ поэта, такъ велика, что въ яркихъ лучахъ ея совершенно утонулъ и растворился Шевченко-художникъ. А между тѣмъ современники Шевченка говорятъ намъ о „замѣчательномъ дарованіи“ его въ этой области твор-

чества; они свидѣтельствуютъ о томъ, что, не
пути съ нимъ судьба злая шутки, онъ и здѣсь
могъ-бы создать нѣчто великое, которое славу
Шевченка-художника передало-бы потомству на
вѣчныя времена. И даже недавно Кузьминъ, изу-
чавшій Шевченко, какъ художника, *) писалъ о
немъ, что «Шевченку по справедливости можетъ
быть приписана слава едва ли не перваго русскаго
офортиста въ современномъ значеніи этого слова».
Самъ Шевченко былъ о своемъ художественномъ
дарованіи очень скромнаго мнѣнія. „Живописцемъ-
творцомъ,—писалъ онъ,—я быть не могу; объ
этомъ счастье не разумно было-бы и помышлять“.
Въ этой двойственной дошедшей до насъ оцѣнкѣ
художественнаго таланта Шевченка мы разби-
раться не станемъ. Для насъ важно въ данномъ
случаѣ уже одно, что работая и кистью, и рѣзцомъ
гравера, точно также какъ и перомъ писателя,
Шевченко помышлялъ только о служеніи дорогой
родинѣ; онъ мечтаетъ о томъ, чтобы „распростра-
нить посредствомъ гравюры славу славныхъ ху-
дожниковъ, распространять вкусъ и любовь къ
доброму и прекрасному. И художественное даро-
ваніе Шевченка не только не вредило его поэти-
ческому гению, но напротивъ, развивало и укрѣ-
пляло этотъ послѣдній, а самого поэта не одинъ
разъ спасало отъ горькой неволи и тягостныхъ

*) Большая часть рисунковъ Шевченка хранится въ
Черниговѣ, въ музеѣ Гарновскаго.

страданій. Въ то время какъ эта „бисова муза“,
прославившая Шевченко, довела его до солдатчины
и потомъ частенько грозила ему всякими другими
бѣдами и неприятностями, художественное да-
рованіе спасло его отъ крѣпостной неволи,
оно-же «вызволяло» его изъ бѣды неминуемой и
впослѣдствіи— и въ безплодныхъ прикасіійскихъ
степяхъ и въ столицѣ, по окончаніи солдатчины.

Вѣчная слава Шевченку-поэту и добрая, добрая
память Шевченку-художнику!

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ М. І. МЕЧНИКОВА

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Отъ автора	3
Вступленіе	5
Жизнь Шевченко	10
Творчество поэта	57

671951

Издательство „НОВ. ЖУРНАЛА ДЛѢ ВСѢХЪ“

С.-Петербургъ, Фонтанка, 38.

Ц. I кн.-60 к.
Ц. II кн.-50 к.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

КНИГИ I-ая и II-ая

общедоступный

Ц. I кн.-60 к.
Ц. II кн.-50 к.

Литературный Сборникъ

„Альманахъ для всѣхъ“

Въ I-й книгѣ напечатаны произведенія: Ф. Сологуба, С. Гусева-Оренбургскаго, А. Ремизова, О. Дымова, гр. Ал. Н. Толстого и Н. Архипова. Обложка работы художн. Чемберса.
Во II-й книгѣ напечатаны произведенія: А. Блока, С. Гусева-Оренбургскаго, Теоргія Чулкова, М. Кузмина, гр. Ал. Н. Толстого и И. Порошина

За пересылку 17 коп., за наложен. платежа 20 коп.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Альманахъ „ЛЮБОВЬ“

Цѣна 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 45 к.

Альманахъ „СМЕРТЬ“

Цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 25 к.

Альманахъ „ОГНИ“

(Памяти В. Башкина). Цѣна 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 25 к.

Участвуютъ: М. Арцыбашевъ, С. Гусевъ-Оренбургскій; Вл. Кохановскій, Д. Айманъ, С. Суслендеръ, Д. Крачковскій, Ант. Каменскій, Г. Чулковъ, проф. Е. Анничковъ, Н. Архиповъ, А. Блокъ, И. Бѣлоусовъ, А. Воане, С. Городецкій, О. Дымовъ, Вяч. Ивановъ, В. Лазаревскій, В. Муйжель, Н. Олигеръ, А. Роставлевъ, В. Розановъ, И. Рѣпинъ, А. Ремизовъ, Саша Черный, Д. Цензоръ, и др. Репродукція съ картинъ Веклина и Рембрандта. Обложка худож. Чемберса и Н. Реми.

Подписная цѣна съ пересылкой за весь три книжки—3 р. 40 к., за двѣ кн. 2 р. 30 к.

НАУКОВА БИБЛИОТЕКА ОНУИ

Издательство „НОВ. ЖУРНАЛА ДЛЯ ВСѢХЪ“

С.-Петербургъ, Фонтанка, 38.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

Николай Архиповъ

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ
РАЗСКАЗЫ.

Цѣна 60 коп.

Содержаніе: Пудель незнакомца. Судья Блиновъ. Жертва искусства. Статуй. Лекція. Барбоска и Фоксъ. Случай. Холера. Благотворитель. Химикъ. Тетушка Лайненъ. Англичане, и др.

За пересылку—17 к., за наложеніе платежа—20 к.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА

В. Лоссе

ПО ЕВРОПѢ И РОССІИ

Наблюденія и настроенія.

Цѣна 1 р. 25 к.

Выписывать можно через Главную
Контору „Нов. Журнала для Всѣхъ“
С.-Петербургъ, Фонтанка, 38.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА